

Владимир
Колганов

Альтернативы для России

18+

Владимир Алексеевич Колганов

Альтернативы для России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68505809

SelfPub; 2023

Аннотация

В этой книге автор попытался разобраться в том, что мешает продвижению России к процветанию, и наметить пути реализации желанной цели. Речь идёт об особенностях российской демократии, много претензий высказано в адрес чиновников, бизнесменов, судей и тех, кто виноват в том, что творится на нашем телевидении. Показано это на конкретных примерах, анализ ситуации предложен достаточно объективный, иногда с немалой долей сарказма и иронии. Не обошёл автор своим вниманием и последние события на Украине. При создании обложки использована картина автора «Бытие».

Содержание

Глава 1. Время перемен	4
Глава 2. Партия – наш рулевой?	8
Глава 3. Опиум для народа	12
Глава 4. Оппозиция как принцип	17
Глава 5. Патриотизм по должности	20
Глава 6. Праздник каждый день?	24
Глава 7. Письма в никуда	28
Глава 8. А судьи кто?	31
Глава 9. Игры бизнеса	37
Глава 10. Суррогат культуры	43
Глава 11. Рупор пустословия	54
Глава 12. Логика империи	70
Глава 13. Издержки послушания	77
Глава 14. А кто взамен?	85
Глава 15. Пофигизм как способ выживания	94
Глава 16. Манифест непокорных	100
Глава 17. Альтернатива для писателя	103

Владимир Колганов

Альтернативы для России

Глава 1. Время перемен

А надо ли? То есть надо ли что-то менять в политическом устройстве нашей страны, в структуре её экономики? Ведь до последнего времени дела шли совсем неплохо, и даже после начала войны на Украине и введения экономических санкций поступления в бюджет от продажи нефти и газа остались на достаточно высоком уровне. Но вот представим, что время повернулось вспять и мы оказались в 2021 году – можно ли сказать, что нет никаких огрехов в управлении страной? Есть ли резервы для улучшения нашей жизни? Вне всякого сомнения, есть и огрехи, и резервы – руководство страны что-то делает, но улучшения почему-то незаметны. Разве что дороги строят и мосты, как будто вся наша жизнь сводится к перемещению с места на место в поисках достойного пристанища, хотя везде почти одно и то же, за исключением крупных городов. Ну а столица нашей Родины вне всякой конкуренции – это как бы витрина, но вот раздвинь красивый занавес, а там совсем не то...

Когда же, при каких условиях в России наступит процветание, причём не только для властной элиты и воротил боль-

шого бизнеса, а для всех? После введения повышенного налога для богатых, после того как отдадут под суд тех, кто наживался на залоговых аукционах, или после национализации фабрик, заводов, рудников? Да нет, вряд ли после этого будет желанный результат. Всё потому, что экономика и финансы не выдержат столь радикальных изменений. Набраться терпения и ждать, когда жизнь улучшится сама собой, без нашего вмешательства – а если уже неважно?

Прежде, чем наметить путь реформ, надо бы разобраться в том, что следует считать критерием процветания? Не думаю, что это наличие в каждой семье автомобиля, но вот хотя бы приличная зарплата, достойная пенсия и медицинское обслуживание на уровне мировых стандартов – это уже было бы кое-что. Однако почему-то никак не получается – в чём причина? Кто виноват и что же в первую очередь следует менять? Говорят, что конституция у нас хорошая, а вот законы никудышные. Так ли это? Придётся разбираться... Телевидение вроде бы на любой вкус, десятки самых разных каналов, но вряд ли для себя что-то интересное найдёшь... Писателей хоть пруд пруди, вот только нет новых Достоевских, Чеховых, Булгаковых – они-то куда запропастились? Немудрено, что вслед за литературой деградирует российское кино... Так в чём причина? Неужели правы те философы, которые ещё сто лет назад писали о неизбежном кризисе культуры? Если они правы, тогда мечты о процветании тщетны – прекрасное не родится на помойке.

А может быть, начать как бы с другого боку – воспользоваться достижениями геной инженерии и попытаться усовершенствовать природу человека? Боюсь, придётся очень долго ждать... Да и где гарантия, что организаторы этого грандиозного мероприятия не слепят нового гомо сапиенса по образу и подобию самих себя? Господи, спаси и помилуй от подобных благодетелей!

Впрочем, есть простой выход из этой сложной ситуации – можно обойтись без «перестройки» и «модернизации». Надо лишь уверить себя, что всё, что ни есть, всё к лучшему – к этому призывают адепты «позитивной психологии», наверняка состоящие на зарплате у правительства. Увы, рано или поздно приходит понимание того, что самообман не заменит реального успеха. Это как бутерброд с колбасой, изображённый на картине, – когда смотришь на него, ощущения приятные, но аппетит никак не удаётся утолить.

И вот постепенно накапливается злость. Ну сколько можно нас обманывать? То мировую революцию обещали, то коммунизм через двадцать лет, потом собирались удвоить ВВП, а вот теперь на повестке дня объединение исконно русских территорий, как будто делать больше нечего. И конца этому не видно! Причина в том, что власть имущие обязаны что-то обещать – кому-то повышение зарплаты, кому-то снижение налогов... Каждому человеку от власти что-то нужно, поэтому и приходится обещания давать. Если же люди скажут: «всё, нам больше ничего не надо», тогда наступит ко-

нец мировой цивилизации, потому что жизнь потеряет всякий смысл.

Так что же делать – ждать, когда жизнь сама собой наладится, или по-прежнему верить в руководящую и направляющую роль правящей элиты? Увы, нет уже веры в то, что она приведёт нас к процветанию.

Глава 2. Партия – наш рулевой?

В последнее время нам все уши прожужжали, объясняя, что однополярность в мире – это зло, поскольку всё сводится к диктату США. Ну что ж, да здравствует многополярность, где вроде бы каждый сам себе хозяин при выборе пути развития! Одно смущает: сильный слабого подомнёт под себя при любых условиях. Примерно такую же картину наблюдаем в парламентах многих стран – нередко правящая партия диктует прочим свою волю. То есть многопартийность налицо, но толку от неё почти что никакого.

В Советском Союзе всё было проще и честнее – одна партия рулила, а оппозиция была загнана в подполье, и только после отмены шестой статьи Конституции СССР и распада Советского Союза вроде бы появился реальный плюрализм мнений о путях развития страны. Но тут возникла ситуация, напоминающая басню Крылова «Лебедь, рак и щука»:

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука...

Такая ситуация и впрямь стало мучением для правительства – надо срочно законы принимать, но обсуждение затягивалось на месяцы, а некоторые законопроекты лежали без движения в течение нескольких лет. Причиной неоправданных задержек стали не только политические разногласия, но

и противоречия между разными группами депутатов, которые находились на содержании у воротил большого бизнеса.

И вот сбылась мечта – в Госдуме наконец-то подавляющее большинство у одной партии, а непримиримой оппозиции и след простыл. Всё вернулось на круги своя – так было в Верховном Совете СССР, с той лишь оговоркой, что в нынешнем парламенте есть ещё несколько партий, находящихся как бы в оппозиции. Изредка они показывают свой норов, стремясь скорректировать директивные решения, но всё без особого успеха. Примером может служить закон 2015 года, согласно которому пенсия работающих пенсионеров не индексируется, причём вне зависимости от заработка. Уже не первый год оппозиция предпринимает отчаянные попытки изменить одну из статей этого закона, по своей сути противоречащую положениям российской конституции, но пока ничего не получается, поскольку правящая партия стоит на своём, как несокрушимая скала.

Хотелось бы понять, откуда вдруг такое единодушие в рядах правящей партии – не хватало ещё, чтобы носили униформу и ходили строем. Всё дело в том, что членство в ней является как бы трамплином для прыжка на один из высших государственных постов – это же мечта любого амбициозного чиновника. Ну а высокий пост невозможно получить, не проявив должного усердия и послушания, которое не допускает выражения собственного мнения – есть только мнение начальства и больше ничего. Несогласным же следует за-

ткнуть рот, сославшись на п. 3 статьи 55 Конституции РФ, согласно которому «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Что ж, если затронуты интересы неких лиц, тогда все средства хороши.

Тут самое время вспомнить «Манифест коммунистической партии», сочинённый Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсов ещё в середине XIX века.

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов».

По сути, и в России сформировалось несколько классов: класс чиновников, класс воротил большого бизнеса с их многочисленной службой и приспешниками, ну и в остатке мы, все остальные. И вот подспудно, незаметно идёт та классовая борьба, о которой когда-то писали Маркс и Энгельс – одни пытаются сохранить всё, как есть, лишь немного приукрасив, а мы пытаемся им противостоять. Но силы слиш-

ком неравны, поэтому исход большинства подобных столкновений заранее известен, к бабке не ходи.

Всё это так, если боремся поодиночке, но даже парламентским партиям такое противостояние явно не по силам. Чем-то их борьба напоминает сражение пехоты с танками – сколько ни пуляй, броня крепка и ничем её не прошибёшь, хоть тресни! Тогда вполне логично возникает вопрос: зачем вообще нужны другие партии, если они играют роль массовки в оперном спектакле в то время, как арии исполняют те, кто имеет в Думе большинство? А следом за этим возникает страшная догадка... Чтобы не быть превратно понятым, сошлюсь на мнение одного из основателей движения «Демократическая Россия» Юрия Николаевича Афанасьева, высказанное им ещё в 2007 году»:

«Самый большой миф этой эпохи остался и который живёт, мне кажется, до сих пор – это миф о том, что в это время, в начале 90-х годов в России восторжествовала демократия. ... Этот распил национального достояния в частную собственность – это было за кулисами. А мы выполняли роль этих самых кулис – те, которые, я имею в виду, зовутся демократами».

А что если и сейчас всё то же самое? Отличие нынешней ситуации в том, что уже почти всё распилили, а теперь допиливают то немногое, что ещё осталось. Впрочем, газа, нефти и других природных ресурсов в России хватит на много поколений – пилить им, не перепилить.

Глава 3. Опиум для народа

Известны разные средства, позволяющие держать народ в повиновении. В нынешние времена – это закон. Но ведь закон что дышло: куда повернёшь, туда и вышло. Поэтому и приходится использовать прежнюю методу либо изобретать что-то новое. Один из наиболее древних способов подчинения людей, которым пользовались власть имущие, основан на религиозном культе, то есть вере в то, чего нет и не может быть, и в этом его преимущество. Ценность чего-то реального ещё нужно доказать, а здесь и доказывать ничего не надо – только верь!

Религия со времён язычества служила средством объединения людей, позволявшим вождю племени или жрецам сохранять своё господство. С возникновением христианства появилась возможность под знаком единой веры объединить целые народы. Однако противоречия между иерархами церкви, желание единолично властвовать привели к её расколу. Деление христианства на католицизм, православие, протестантизм и многочисленные секты внутри этих религиозных течений создало почву для кровавых межконфессиональных столкновений в средние века, а это поставило под сомнение изначальное предназначение христианства как средства объединения людей. Аналогичные процессы протекали и внутри ислама, а вооружённые конфликты между му-

сульманами-суннитами и мусульманами-шиитами не утихают до сих пор.

В течение последних двух столетий предпринимались попытки объединить разные народы на новой основе, не зависящей от их религиозных убеждений. В XIX веке вдруг вспомнили о демократии, которая зародилась в Древней Греции. Реализация этой формы правления предоставляет каждому гражданину возможность выразить своё мнение по какому-либо важному вопросу, приняв участие в референдуме или в выборах органов власти муниципалитета, города, области или государства. Считается, что народ при этом правит через своих представителей в органах управления территорий, а вера людей в эффективность представительской демократии стала основой для объединения стран и континентов.

Однако всё не просто в деле объединения народов на основе демократии – вдруг избиратели проголосуют не так, как следовало бы им голосовать, а в результате будет поставлен под сомнение приоритет демократии, что чревато самыми скверными последствиями. И тут на помощь власть имущим приходят деньги – фактически они покупают голоса избирателей, тратя на избирательную кампанию огромные финансовые средства, которым можно было бы найти более разумное применение, используя их для улучшения жизни людей. Решающая роль в этом одурачивания принадлежит телевидению – трудно устоять, если целый день в наши головы

заливают ушаты пропаганды.

Однако допустим, что люди самостоятельно приняли решение, за кого или за что голосовать. Хотелось бы понять, готов ли народ к принятию ответственных решений? Можно ли народу доверять? Тут вроде бы возникает непреодолимое противоречие, сводящее на нет коренной смысл народовластия – ведь далеко не все обладают достаточными знаниями, чтобы разобраться в сути предлагаемых реформ. К счастью, эта коллизия разрешается довольно просто. На нынешнем этапе совершенствования человеческой породы реально могут существовать лишь ограниченные элементы демократии – прежде всего, на муниципальном уровне, когда люди совместно решают проблемы управления посёлком или городским районом. Там многие друг друга знают, есть возможность вникнуть в существо возникающих проблем, поскольку для этого, как правило, не требуется глубоких знаний, и нет препятствий для регулярных обсуждений с участием всех заинтересованных лиц.

Иная ситуация складывается, когда речь идёт о государстве. Даже если время от времени проводить референдумы по насущным проблемам, нет никакой гарантии, что большинство людей примет решение, основанное на самостоятельном анализе, а не будет следовать сиюминутным эмоциям либо подсказке велеречивых политологов. Увы, в масштабах государства действующая власть либо внешние силы имеют возможность манипулировать мнением народа, что в

корне противоречит принципам реальной демократии.

Напрашивается вывод, что нет реального народовластия – нет этого, и в ближайшей перспективе не предвидится. Во всех странах, за исключением тех, где установлена диктатура, действует иной принцип – власть на доверии. Избиратели, самостоятельно или по подсказке, решают, кому из кандидатов на выборную должность можно доверять. Иной раз могут ошибиться, но вряд ли проголосуют второй раз за человека, который не оправдал доверия. Вот так и «властвует» народ – в Америке избиратели доверились Обаме, потом Трампу, теперь Байдену, ну а в России большинство населения доверяет Путину.

Вроде бы можно утверждать, что народ реализует своё право на власть, оказывая доверие кандидату в президенты. Однако этого мало – нужен механизм оценки степени этого доверия в промежутке между выборами. Вроде бы есть для этого социологические опросы, но можно ли сказать, что народ властвует, если рейтинг президента упал, скажем, до 10%? Вроде бы есть возможность выразить недоверие президенту через своих представителей в парламенте, но для отстранения от власти требуется доказать, что он совершил преступление или не в состоянии выполнять свои должностные функции – так записано в конституциях многих государств. Так что приходится признать – реального народовластия нет и не было. Есть только доверие (если оно есть), но нет гарантии, что мы не ошибаемся.

И вот возникает подозрение, что любой способ объединения людей, в том числе и демократия, используется лишь как ширма, а там, за ширмой этой самой демократии, за кулисами либерализма, кто-нибудь тайком набивает свои карманы украденными у нас деньгами. Причина этого явления проста: человек существует благодаря двум инстинктам: инстинкту продолжения рода и инстинкту самосохранения. Первый из них, понимаемый в расширенном смысле, может заставить воровать ради того, чтобы материально обеспечить семью и своих потомков, ну а второй может стать основой для предательства. Только нравственное начало может удержать человека от преступления, однако проблема в том, что нравственность возникает лишь в результате должного воспитания. И что же будет, если это важное дело доверить безнравственным людям, которым принадлежит власть? Результат известен – основой существования становятся лицемерие и ложь.

В заключение этой главы следует заметить, что даже диктатура может быть вполне приемлема, если правит государством честный и умный человек, а вот безнравственные люди при любой системе власти рано или поздно приведут государство к катастрофе.

Глава 4. Оппозиция как принцип

Ещё во времена блаженной юности мне в голову пришла шальная мысль, будто интеллигенция по определению должна быть в оппозиции власти. То есть обязана постоянно действия власть критиковать, ну а причин для критики всегда достаточно. Однако после того, как убедился в неспособности первых российских демократов изменить жизнь к лучшему, принцип этот как бы сам собой увял – стало ясно, что логичнее делить людей на малограмотных, образованных и интеллектуалов, ну а понятие «интеллигенция» пора бы сдать в утиль. Две первые из этих групп стали питательной средой и для ура-патриотов, и для непримиримой оппозиции, а вот интеллектуалы находятся в раздумье – с одной стороны вроде бы надо власть критиковать, а с другой – как бы от этого не стало хуже, да и работу можно потерять. К особой категории принадлежат либералы – причисляя себя к интеллектуалам, они не в состоянии понять, что большинству людей права и свободы не нужны. Нам бы приличную зарплату, доступное образование и качественную медицину, а всё остальное от лукавого.

Должен признаться, что либеральные идеи были мне близки ещё с конца 80-х годов. Впрочем, тогда я плохо понимал, что это такое. Но через пару лет после прихода к власти Ельцина стали появляться сомнения. Да, несомненно, Егор Гай-

дар и его соратники были квалифицированными экономистами, однако для проведения реформ этого было явно недостаточно – надо знать свою страну и свой народ, надо быть опытным политиком. Увы, среди либералов такого человека не нашлось.

Однако либеральная идея не умерла даже под ударами шоковой терапии, которая породила ненависть к реформаторам у значительной части населения. Идею и лозунги либерализма подхватили люди, по тем или иным причинам разругавшиеся с властью – бывшие министры, советники и политологи. Но что могли противопоставить власти её непримиримые противники? Только требования немедленного предоставления всех и всяческих свобод, что должно было стать, по их мнению, гарантией будущего процветания России в соответствии со стандартами, принятыми в цивилизованных странах Запада. Аналогичные претензии к власти предъявляли и левые радикалы, считавшие, что либерализация политической жизни позволит им прийти к власти и начать построение социализма и подлинной демократии в отдельно взятой стране.

Надо признать, что причины краха либеральной идеи в России совсем не в том, что против либералов развернулась кампания репрессий. Увы, среди лидеров оппозиции не нашлось подлинных интеллектуалов, которые смогли бы противостоять тем, кто поддерживает власть. Следует учесть и то, что для многих «глашатаев свободы» либеральные идеи

стали лишь средством достижения корыстных целей. Причина их непопулярности в том, что презрение к русскому народу невозможно закамуфлировать красивыми лозунгами, но ничего другого в арсенале противников действующей власти не нашлось. Конечно, недовольство масштабами распространения коррупции ещё долго будет выводить людей на улицы, но это вовсе не значит, что они во всём готовы поддержать «непримиримых» – уже успели разобраться, кто есть кто.

Так есть в России реальная оппозиция или это только выдумка политологов и журналистов? Возникло подозрение, что к этой категории можно причислить не только часть интеллектуалов, но и молчаливое большинство, которому уже надоело участвовать в бесполезных выборах. Что толку от того, что, поверив обещаниям, опуцу в избирательную урну бюллетень? Ещё не известно, куда приведёт дорога, высланная этими бумажками – то ли в рай, то ли прямо в ад, а гарантий будущего процветания нам никто не даст.

Глава 5. Патриотизм по должности

Всем известно, что миром правят бюрократы. Проблема в том, что интеллеktуал и бюрократ – это далеко не всегда одно и то же. В бизнесе интересы менеджера сосредоточены на получении максимальной прибыли для своей компании, что, безусловно, требует от него немалых умственных усилий. Здесь есть и личный интерес – успех компании гарантирует увеличение доходов управляющего персонала.

Какой же интерес у чиновника какого-нибудь министерства или иного государственного органа? А интерес всё тот же – обеспечить процветание своей семье. Есть достаточно простое средство для достижения такого результата – выполнять поручения вышестоящего начальства от сих и до сих, не особенно задумываясь о том, что начальник тоже может совершать ошибки. Главное для чиновника – перестраховаться, проявлять запредельную работоспособность, чтобы не вызвать нареканий. Вот и плодят тома отчётных документов, обоснований и рекомендаций, которым грош цена.

Но есть и другое условие достижения личного успеха, то есть восхождения по карьерной лестнице – надо постоянно демонстрировать патриотизм, не стесняясь в выражении эмоций. Если враг, надо смешать его с дерьмом, не считаясь с логикой и здравым смыслом. Если кто-то выражает сомнения в правильности назначенного свыше курса, надо ре-

шитительно выразить свой протест. И непременно, к месту и не к месту, надо проявлять свои верноподданические чувства. Когда речь идёт о рядовом чиновнике, это ещё полбеда, но, если тот же самый стиль мышления превалирует в окружении главы государства, это чревато самыми скверными последствиями. Вот мнение флорентийского философа XVI века Никколо Макиавелли, изложенное в трактате «Государь»:

«Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, – зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает: если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и о государе заключат соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников».

Определить, предан ли чиновник или нет, можно с помощью «детектора лжи», хотя полной веры этому прибору нет, а вот для проверки интеллектуального уровня стандартная метода не подходит. Точно так же, как ЕГЭ не позволяет выявить способность школьника самостоятельно решать трудные проблемы. Вот ещё одна цитата из трактата «Государь»:

«Умы бывают трех родов: один всё постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий – сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может».

Большинство чиновников принадлежит к третьей категории, но с их узколобостью ещё можно было бы смириться, особенно если выбор не велик, – куда более опасна для благосостояния государства излишняя забота чиновника о своём благосостоянии. Коль скоро речь заходит о коррупции, логично обратиться к мнению Михаила Бакунина, изложенному в статье «Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности»:

«Чем больше интересы класса противостоят общественным интересам, тем более облегчается коррупция его членов, что обусловлено аморальностью принципа, лежащего в основе его существования; если только эта безнравственность не прикрывается в их глазах каким-либо вымышленным идеалом, например, патриотическим или религиозным. Именно это и произошло с церковью и аристократией, и потому они были так могущественны в прошлом и так упорно цепляются за жизнь ещё и сегодня, когда все общественные условия этому противоречат. Это также объясняет, почему буржуазия, едва придя к власти, начинает обнаруживать бесспорные признаки разложения и упадка...».

С тех пор, как Бакунин написал эти строки, по сути, в России ничего не изменилось. По-прежнему общество делится на классы, на сей раз по уровню материального обеспечения и доступа к верховной власти – тот, кто ближе, имеет шанс разбогатеть. Не всем так повезло, но в их распоряжение есть другие средства – залогом успеха тут является безнравствен-

ность чиновников. Именно поэтому коррупция зашкаливает, а в народе постепенно созревает протест. Увы, коррупцию невозможно полностью искоренить, особенно если вор на каждом углу кричит о своём патриотизме и ежечасно демонстрирует преданность начальству – ну чья рука поднимется отдать его под суд? Разве что, если уж совсем зарвался.

Глава 6. Праздник каждый день?

Вместо рассуждений на столь деликатную тему, приведу Календарь профессиональных праздников. За точность дат и формулировок не ручаюсь, поскольку списка, утверждённого Госдумой или правительством, так и не нашёл. Пришлось удовольствоваться тем, что обнаружил в интернете:

13 Января. День печати

26 Января. День таможенника

31 Января. День ювелира

01 Февраля. День лифтовика

08 Февраля. День науки

09 Февраля. День стоматолога и работника гражданской авиации

23 Февраля. День защитника Отечества

3 Марта. Всемирный день писателя

19 Марта. День подводника и работников службы быта и ЖКХ

23 Марта. День гидрометеоролога

25 Марта. День работника культуры

02 Апреля. День геолога

12 Апреля. День космонавтики

21 Апреля. День главбуха

26 Апреля. День нотариуса

27 Апреля. День депутата и сенатора

07 Мая. День связиста

20 Мая. День травматолога

21 Мая. День полярника

24 Мая. День кадровика

25 Мая. День филолога

27 Мая. День библиотекаря

28 Мая. День химика

05 Июня. День эколога

08 Июня. День социального работника

11 Июня. День работников текстильной и легкой промыш-

ленности

14 Июня. День работников миграционной службы

18 Июня. День медика

25 Июня. День составителя статистических отчётов

26 Июня. День сварщика

30 Июня. День экономиста

09 Июля. День почтальона

12 Июля. День бортпроводника

16 Июля. День металлурга

17 Июля. День этнографа

23 Июля. День работника торговли

28 Июля. День системного администратора

06 Августа. День железнодорожника

12 Августа. День физкультурника

13 Августа. День строителя

15 Августа. День археолога

27 Августа. День шахтёра
31 Августа. День ветеринара
03 Сентября. День нефтяника и газовика
08 Сентября. День финансиста
13 Сентября. День программиста
17 Сентября. День лесоруба
19 Сентября. День оружейника
24 Сентября. День машиностроителя
28 Сентября. День атомщика
30 Сентября. День переводчика
05 Октября. День учителя
06 Октября. День страховщика
08 Октября. День пищевода
15 Октября. День дорожника
23 Октября. День рекламщика
25 Октября. День таможенника
29 Октября. День автомобилиста и дорожника
30 Октября. День инженера-механика
11 Ноября. День экономиста
14 Ноября. День социолога
19 Ноября. День стекольщика
21 Ноября. День налогового
22 Ноября. День психолога
27 Ноября. День оценщика
03 Декабря. День юриста
22 Декабря. День энергетика

27 Декабря. День спасателя

Как видим, праздники у нас почти что каждый день. Ну почему бы не отпраздновать День экономиста в знак благодарности за либерализацию нашей экономики? Или День бухгалтера за то, что выдаёт зарплату. Без энергетика сидели бы без света – надо и его поблагодарить. Я уж не говорю о сантехниках – не было бы их, тогда совсем беда! Словом, каждая из упомянутых профессий почётна и нужна... Но вот обнаружил неувязку – куда подевались агитаторы и пропагандисты – ну а как без них?

И ещё один, не менее существенный вопрос: я бы каждый день что-то праздновал, но на какие, спрашивается, шиши? Вот если бы по случаю чьего-то праздника выдавали вспомоществование, совсем чуть-чуть, чтобы хватило на закуску... А так, признаться, этот календарь совсем не впечатляет.

Глава 7. Письма в никуда

Представьте, что некий гражданин, выйдя на пенсию, решил заняться литературным творчеством и заключил лицензионное соглашение с компанией, распространяющей электронные книги. За проданные книги ему начислялось вознаграждение, составлявшее в среднем 250 руб. в месяц – от двадцати до тридцати рублей за каждую книгу. И вдруг он узнаёт, что пенсия его не индексируется и более того, он лишён региональной социальной выплаты, а в сумме это составляет более 4 000 рублей, – всё потому, что теперь считается работающим пенсионером. Мало того, ещё и требуют возмещения убытков, причинённых государственному бюджету Российской Федерации!

Конечно, можно прожить и без этих доплат от щедрот государства – много ли пенсионеру надо? Но возмутило, по сути, хамское отношение, да и положения Конституции нарушены – ну о какой справедливости может идти речь при таком раскладе? Вот поэтому и решил направить жалобы во все инстанции, так или иначе несущие ответственность за этот беспредел, иначе и не скажешь, – в правительства Москвы и России, в Пенсионный фонд, в Госдуму, уполномоченному по правам человека, ну и конечно же президенту Путину. Написал, отправил обращения по электронной почте и стал ждать.

Через месяц-полтора скопилась у пенсионера целая коллекция «раритетов», причём из таких, что не отличаются разнообразием – суть каждого письма можно выразить тремя словами: закон есть закон! Ну а чего ещё можно было ожидать от чиновника, которому поручено «отфутболить» назойливого возмутителя спокойствия? Особенно огорчил ответ из офиса уполномоченного по правам человека – ведь очевидно, что закон абсурден, это мягко говоря. Неужели им на права пенсионера, на справедливость наплевать? И только из Госдумы пришёл обнадеживающий ответ – у них подготовлено пять вариантов поправок к тому самому закону, от которого пенсионер и пострадал. Но почему пять, если достаточно одной? Той, что потребует учитывать размер вознаграждения пенсионера – тогда всё стало бы на свои места. Поскольку зарплата у нас не ниже МРОТ, получающий её пенсионер вполне способен компенсировать инфляционные излишки, возникшие не по его вине – примерно такое разъяснение наш жалобщик получил из правительства России, с той оговоркой, что о вине правительства там не было сказано ни слова. Увы, только «разрухой в головах» можно объяснить непонимание чиновниками простого факта – в отличие от зарплаты размер вознаграждения писателю может быть значительно ниже МРОТ, вплоть до одного рубля, вплоть до копейки! Ну что поделаешь, если люди почти не читают книг?

Подумалось: а не подать ли в суд на правительство Рос-

сии? Даже составил иск, в котором были и такие слова:

«Я утверждаю, что этот закон нарушает требования статьи 19 Конституции РФ, запрещающей любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной принадлежности, поскольку работающие и неработающие пенсионеры принадлежат к двум разным социальным группам населения.

Я утверждаю, что в основу этого дурацкого закона положен ничем не обоснованный признак – наличие у работающего пенсионера гипотетической возможности компенсировать из своего заработка инфляционные издержки, возникшие не по его вине.

Я утверждаю, что принятие упомянутого закона нарушило моё право на социальную защиту, гарантированное статьёй 114 Конституции РФ.

В связи с вышеизложенным прошу суд признать Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 385-ФЗ недействительным».

И только после получения ответа из Администрации пенсионер понял: ведь ни один чиновник, ни один депутат от правящей партии, ни один судья не усомнится в справедливости закона, если он подписан президентом.

Глава 8. А судьи кто?

Вместо ответа на вопрос расскажу ещё одну реальную историю – если кто-то сомневается, могу ознакомить с документами. А началось с того, что в дом, расположенный в двух минутах ходьбы от Патриаршего пруда, осенью 2005 года пришли незваные гости. Сразу с порога заявили:

– Ваш дом старый, уже полсотни лет стоит без капитального ремонта, вот-вот может развалиться. Так не хотите ли переехать в новую квартиру, скажем, в Бутово или в Бирюлёво?

Все жильцы единодушно отказались – привыкли жить на Большом Козихинском, здесь и людей, знакомых с детства, много, а в получасе ходьбы Большой театр, не говоря уже о ГУМе, ЦУМе. К тому же дом хоть и довоенной постройки, но кирпичные стены едва ли не в метр толщиной, а перекрытия из лиственницы в идеальном состоянии, недавно проверяли. Это и понятно – дом строили для приезжих специалистов из Германии, а они не станут жить в какой-нибудь халупе.

Прошёл всего лишь месяц, и вот каждого жильца приглашают в суд – якобы дом в аварийном состоянии и непокорные жильцы подлежат принудительному выселению. Двое сразу сдались, а остальные решили побороться, ну вот и я... А дело в том, что в доме жили моя мама и сестра, да и я

обитал там много лет, пока не купил себе квартиру на юго-западе Москвы. Так что собрался защищать не только близких мне людей, но и в каком-то смысле своё прошлое.

Для начала изучил жилищное законодательство, прочитал Гражданский и Гражданско-процессуальный кодексы, Конституцию, ознакомился с аналогичными делами, прошерстив весь интернет, и только после этого стал разбирать то, что прислали из Департамента жилья ЦАО города Москвы. Иск был основан на распоряжении Валерия Шанцева, тогдашнего заместителя мэра Москвы Юрия Лужкова – там было чёрным по белому написано: выселить с предоставлением квартиры в указанном районе, то есть где-то на окраине Москвы. Сразу стало ясно, что на лицо два грубых нарушения: во-первых, выселение оформляется постановлением московского правительства, что предполагает кое-какое обсуждение и дискуссию, а во-вторых, в законе прописана альтернатива, то есть выплата выселяемым гражданам стоимости их жилья, чтобы могли самостоятельно купить себе квартиру в любом районе.

Обнаружив эти «неувязки», решил судиться со всеми – с Департаментом жилья ЦАО, с префектурой ЦАО, которая приняла решение о выселении на основе «писульки» Шанцева, ну и конечно же с правительством Москвы. Первым делом предстояло отбиться от иска Департамента жилья, и более того, опровергнуть все их аргументы – для это я подготовил возражение из восьми пунктов. И что удивительно, сра-

ботало – на суде представитель департамента имел бледный вид, что-то лепетал невнятно, а мне предоставилась стопроцентная возможность добиться признания иска незаконным. Однако в это время сестра вела переговоры с департаментом по поводу предоставления жилья не в Бутово, а в другом районе, где-нибудь поближе к центру, так что отклонять иск не имело смысла – надо было только убедить чиновников, что с нами шутки плохи. Рассмотрение дела по моей просьбе отложили, а дальше начинается самое интересное.

В Таганском суде должны были рассмотреть мой иск к префектуре ЦАО. И вот сижу у двери зала заседаний, вид у меня вовсе не воинственный, скорее удручённый, поскольку выступать с иском против префектуры – это же совсем не то, что уличить юриста Департамента жилья в бездарности. И тут мимо проходит судья, обращается ко мне:

– Это по вашему делу будет слушание?

– Да.

– Ну что ж вы приуныли? Сейчас во всём разберёмся, и нечего переживать.

Судья прошёл в зал заседаний, а я сижу в предбаннике и жду. Через некоторое время из зала выходит тот самый судья и уже не глядя на меня куда-то направляется чуть ли не бегом – судья по всему, вызвали к начальству. Жду полчаса. Дальше рассказывать не буду – зачем, если во время заседания судья моих аргументов словно бы не слышал. Единственное, чего удалось добиться – дело отложили до завер-

шения слушаний по моему иску к правительству Москвы, которые должны были состояться в Тверском суде. Только выйдя из здания Таганского суда я сообразил, что за полчаса председатель суда так обработал моего судью, что доказывать ему что-то было бесполезно.

По той же схеме проходило итоговое заседание в Тверском суде по моему иску к московскому правительству, за исключением того, что представитель ответчика не являлся в суд четыре раза. Ну а моя кассационная жалоба в Мосгорсуде была рассмотрена без затяжек, всего за несколько минут с вполне понятным результатом...

Однако в Краснопресненском суде дело ещё не закончилось. Прихожу туда и что же выясняется: прежнего судью отстранили от ведения дел, вроде бы даже обвинили в беспорядном пьянстве. Назначили нового – ранее он имел дело только с уголовниками. Юрист из Департамента жилья тоже новый – прежнего перевели куда-то на окраину Москвы. Ну а прокурор поразил наплевательским отношением к Гражданско-процессуальному кодексу – посреди заседания с разрешения судьи ушёл, когда понадобилось получить указания от своего начальства. Результат известен: судья признал законность распоряжения Шанцева о выселении.

Вероятно, сведущий в таких делах читатель скажет, что, коли принято «высочайшее» решение выселять, так оно и будет, и нечего понапрасну тратить время на всякие там разбирательства. Да я бы и не стал туда влезать, если бы не по-

лучил возможность ознакомиться с решением суда по делу о выселении жителей дома на улице Красина – жильцы там победили Департамент жилья. Уже гораздо позже в разговоре с одной начальственной дамой из этого департамента я так и объяснил ей свою настойчивость: у них же получилось, так почему не должно получиться у меня? Тем более и адвокат там был никудышный – я убедился в этом во время слушаний по аналогичному делу. Но всё оказалось очень просто, даже примитивно: выслушав меня, дама только улыбнулась, не произнеся ни слова, ну а я понял, что без взятки там не обошлось. Выходит, сплочённый коллектив жильцов всё-таки способен одержать победу в конфликте с властью! Если только нужную сумму наскребёт.

К этому времени сестра уже добилась снисхождения от чиновников Департамента жилья – на этот раз предложили квартиру поближе к центру, недалеко от уголка дедушки Дурова, всего в полукилометре от Садового кольца. Вроде бы на этом можно успокоиться, но я попытался довести дело до конца. С некоторым опозданием обнаружив неувязки в акте о признании дома аварийным (речь о доме на Большом Козихинском), обратился в РОВД по месту расположения организации, выдавшей такой вердикт, с обвинением в искажении фактов. И вот через некоторое время меня вызывает дознаватель и кладёт на стол акт о признании того же дома подлежащим... капитальному ремонту. Как это так? Оказалось, что после того, как Департамент жилья обратился в

суд с требованием о выселении, та самая организация изготовила новый акт – видимо, подстраховались на случай, если кто-то обвинит в фальсификации, и не зря. А у меня остался лишь один вопрос, который немедленно задал лейтенанту-докладчику:

– Как такое безобразие возможно?

Лейтенант ответил вопросом на вопрос:

– Вы что, не понимаете, в какой стране живёте?

Такие вот дела. Шёл 2007 год.

Глава 9. Игры бизнеса

В книге «Вся правда о российском футболе», опубликованной компанией ЛитРес в 2020 году, я написал, что футбольные команды не могут обойтись без спонсоров. И впрямь, не имея богатого покровителя, бессмысленно ждать успехов от команды – ей обеспечен вылет в низшую лигу. Даже если есть толковый тренер и преданные клубу футболисты, у команды нет перспектив – лучших игроков переманят более обеспеченные клубы. Мало кто устоит перед соблазном получать зарплату, во много раз превышающую доходы инженера, научного работника или менеджера средней руки.

Одесская поговорка гласит: «Кто её ужинает, тот её и танцует». Но в этом танце спонсор не участвует – он наблюдает за игрой с трибуны, аплодирует, кричит, после забитого гола обнимается с друзьями, вместе с футболистами пьёт шампанское по случаю победы. А в случае неудачи одним махом руки отправляет тренера в отставку и выговаривает судье за то, что тот не справился с заданием. Всё потому, что 100 миллионов евро, которые спонсор тратит на команду за сезон, – это вполне достаточная сумма, чтобы не обращать внимания на тех, кто ропщет по поводу стиля руководства и методов достижения победы на футбольном поле. Ну вот представьте, человек купил себе игрушку, а ему указывают, как он должен с ней играть. Понятно, что он пошлёт незва-

ных критиков куда подальше!

Но где же тот неисчерпаемый источник, из которого черпали и черпают деньги? Генеральным спонсором «Зенита» в декабре 2005 года стал «Газпром», но тут вот какая заковыка: более 50% акций ПАО «Газпром» принадлежит государству, что вполне логично, поскольку благополучие компании основано на добыче природного газа, который, по сути, является народным достоянием. Тогда вполне логично возникает вопрос: а стоит ли разрешать госкомпаниям тратить деньги на финансирование футбольных клубов? Ещё двенадцать лет назад помощник президента Аркадий Дворкович в интервью журналисту Рабинеру популярно разъяснил, что к чему:

«"Газпром" – публичная компания, которая отчитывается перед всеми акционерами – как государством, так и частными, которых почти 50 процентов. Никто, кроме собрания акционеров вмешиваться в эту ситуацию права не имеет, а они не возражали».

Неужели добровольно согласились на снижение дивидендов? Да нет, миноритарные акционеры выступали против такого распределения доходов, имея в виду слишком большие траты на «Зенит». Впрочем, если государство не возражает, тут ничего уж не поделаешь. Но вот купил «Зенит» на эти деньги целую ораву техничных бразильских игроков, и что – болельщики менее обеспеченных клубов должны радоваться успехам «гегемона»? На самом деле, возникают лишь за-

висть и ожесточение, а вдобавок к этому – сомнение в справедливом распределении материальных благ в нашем государстве.

С тех пор многое изменилось – в частности, бюджет команды оценивается не в евро, а в рублях, и для «Зенита» он составляет 18 миллиардов рублей, что по нынешнему курсу эквивалентно трёмстам миллионам евро. «Спартак» немного «победнее» с суммой в двести миллионов евро, ну а «Динамо» имеет почти столько же, что и «Локомотив» – примерно сто миллионов евро. Причём три из этих четырёх команд, по сути, на дотации у государства.

А вот благополучие «Реала», «Барселоны» и других европейских топ-клубов в значительной степени основано на продаже прав на телетрансляции – это 35-45% от доходов клуба. В России же эта статья доходов футбольных клубов составляет мизерную величину в сравнении с тем, что выделяют спонсоры.

Леонид Федун, неформальный владелец ФК «Спартак», ещё в мае 2017 года настаивал на том, что так жить нельзя:

«Телевизионный бюджет РФПЛ составляет \$20 млн в год, а в Турции речь идёт о \$400-500 млн. Об АПЛ я вообще не говорю. Там уже фигурирует сумма в \$3 млрд. И на какие средства мы будем покупать звёздных футболистов? ... Мы должны изменить отношение к футболу в стране и иметь совсем другие контракты с телевидением. За продажу медиаправ клубы РФПЛ должны получать раз в 10 больше, чем

сейчас. Только тогда можно будет говорить о какой-то окупаемости футбола в России».

Валерий Газзаев, известный в прошлом футболист и тренер, говорил о том же в июне 2019 года:

«Что касается финансового вопроса, мы должны значительно увеличить цену на телевизионные права. Чемпион Англии получает £ 160 млн, а команда, которая вылетает [в низшую лигу] в Англии, получает £ 120 млн. А у нас "Зенит", который стал чемпионом, получает всего около € 4-5 млн. Сопоставьте, разве это правильно?»

Итак, желание ведущих российских клубов стать в один ряд с европейскими топ-клубами вроде бы упирается в организацию продажи прав на телетрансляции матчей. Дело сводится к малому – перевести все телетрансляции на платные телеканалы и увеличить плату за просмотр матчей. Тогда и РПЛ, и клубы с чистым сердцем могут требовать у владельцев телеканалов весьма значительные суммы за право на телетрансляции.

В увеличении стоимости просмотра матчей по телевидению и переводе всех трансляций на платные телеканалы есть свой резон – можно надеяться, что больше болельщиков придёт на стадионы. В самом деле, зачем платить втридорога за картинку на телеэкране, если дешевле посмотреть матч вживую? Налицо будет двойной эффект – рост бюджета клубов и от продажи прав на телетрансляции, и от посещаемости футбольных матчей. Однако по мнению рядового

болельщика платить должен тот, у кого есть деньги. Поэтому он против платных телеканалов для трансляции футбольных матчей. Ему всё равно, кто и как организует это зрелище – лишь бы оно было общедоступным и содержательным.

Вывод ясен: наши клубы при нынешних зарплатах футболистов могут существовать лишь при поддержке спонсоров. Но возникает вопрос: в ситуации, когда в стране есть масса нерешённых проблем, допустимо ли так разбрасываться деньгами, увеличивая пропасть между богатыми и бедными – ведь зарплата ведущих футболистов чуть ли не в тысячу раз больше той суммы, которой вынуждены довольствоваться российские пенсионеры. Вряд ли удовольствие от успехов любимой команды компенсирует недостаток средств в их кошельках, к тому же многие вполне обойдутся без футбола.

А не пора ли урезать зарплаты игрокам? Так ведь ясно: разбегутся кто куда! Век футболиста короток – надо успеть заработать на оставшуюся жизнь. Совсем другое дело топ-менеджер крупной компании – он может кататься как сыр в масле гораздо дольше футболиста, если только не уволят. Тогда сам собой напрашивается очень интересный, многообещающий выход из почти безнадежной ситуации: каждый высокооплачиваемый футболист должен быть на содержании у топ-менеджера. Согласно контракту, тот же Федун будет обязан выплачивать премию за хорошую игру или накладывать штраф, если, к примеру, игрок не использовал голевую передачу. У такого покровителя гораздо больше, чем у тре-

нера, возможностей следить за тем, чтобы игрок не засиживался в ночном клубе и не выпил лишнего. Если уж на то пошло, покровитель может и достойную невесту подыскать – это же в его интересах, а то ведь свяжется игрок с какой-нибудь шалавой, тогда беда! В сущности, топ-менеджер вполне способен заменить и спортивного агента – этих «побирушек» хлебом не корми, дай только заработать на продаже футболиста. У Федуна же другой интерес – успех родной команды, завоевание высоких титулов, глядишь, и ему что-нибудь перепадёт.

Жаль, что не все топ-менеджеры в восторге от футбола, но эту проблему можно решить в приказном порядке – принять обязательный для всех закон. Ну а футболисты как-нибудь переживут, если услышат от кого-то: «Содержанка!» Да на завистников при такой зарплате можно внимания не обращать!

Глава 10. Суррогат культуры

Что происходит с культурой? И когда всё это началось? Подробный ответ вы можете найти в книге «Превратности культуры», а здесь ограничусь в основном литературой – если с ней беда, тогда и культура обречена стать лишь придатком экономики, не более того. Иными словами, торгош будет определять критерии прекрасного, что сейчас и происходит в литературе и на телевидении.

Вот что написал Фридрих Ницше в книге «Человеческое, слишком человеческое»:

«Всегда должны будут существовать плохие писатели, ибо они соответствуют вкусу людей неразвитого, незрелого возраста; последние тоже имеют свои потребности, как и зрелые люди. Если бы человеческая жизнь продолжалась дольше, то число зрелых личностей преобладало бы над числом незрелых или по меньшей мере равнялось бы ему; теперь же значительное большинство умирают слишком молодыми, т.е. всегда существует гораздо больше неразвитых интеллектов с плохим вкусом. И они, кроме того, жаждут удовлетворения своих потребностей с большей страстностью, присущей юности, – и добиваются для себя плохих авторов».

К счастью, со времени написания цитируемой книги продолжительность жизни увеличилась, однако это дела не меняет – публика по-прежнему предпочитает авторов, соответ-

ствующим интеллекту не вполне «созревшего» большинства, и пока плод не созреет, ситуация в корне не изменится.

Так неужели перспективы столь безрадостны? Ведь для созревания потребуются не годы, а десятилетия! Тут возникает замкнутый круг: незрелая публика возводит на пьедестал плохих авторов, а те в свою очередь способствуют падению интеллектуальных способностей читателя до уровня подростка. Чтобы разорвать этот порочный круг, не обойтись без вмешательства государства или хотя бы лиц, причастных к деятельности органов публичной власти.

В прежние времена нельзя было добиться признания у публики, не подыскав себе влиятельного покровителя. К примеру, Борис Пильняк сподобился завести знакомство с Луначарским, а Юрия Германа надоумили обратиться к Горькому, и случилось так, что молодой журналист чем-то приглянулся пролетарскому писателю. Впрочем, теперь каждый человек, имеющий под рукой компьютер, подключенный к интернету, мнит себя писателем, так что облечённых властью благодетелей на всех, увы, не хватит. Даже если чиновники Минкульта в качестве дополнительной нагрузки станут рецензировать книги непризнанных писателей, это делу не поможет. Тут прежде всего нужно отделить мух от котлет. Не хотелось бы сравнивать книгу с прожаренной котлетой, хотя иной раз так оно и есть, но сиюминутная прибыль и литература – понятия несовместимые. Задачей литературы является повышение интеллектуального и нравственного

уровня читателей, что, конечно же, не исключает получения удовольствия в процессе чтения, но, если государство или богатые спонсоры не возьмут издание книг в свои руки, последствия будут самые плачевные. Важно, чтобы издательства имели возможность не заботиться о прибыли, типографии печатали дешёвые книги, возможно, в мягкой обложке, а магазины не накручивали цену.

Тут вот что странно: во времена всемогущего РАПП или Главлита вышло в свет немало произведений, авторы которых принесли славу отечественной литературе: Юрий Олеша, Андрей Платонов, Михаил Булгаков, Юрий Трифонов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев... А кого из нынешних можно поставить в этот ряд? И ведь цензура вроде бы отсутствует. «Вроде бы» – это потому, что каждый владелец издательства имеет право «не пущать», если идейная направленность произведения не соответствует его либеральным взглядам. Вот и получается, что вместо одного Главлита мы имеем несколько десятков. Казалось бы, можно надеяться на некоторое разнообразие издаваемой литературы, но если во главу угла поставлена прибыль, результат предельно ясен – по сути, все издательства потчуют читателя «фастфудом» и даже если предлагают «лососину», она оказывается «не первой свежести».

Пока ещё сохраняется надежда на перемены к лучшему, ещё можно кое-что спасти, хотя претензии к качеству литературных произведений высказывались ещё лет сто назад.

В 1892 году немецкий писатель Макс Нордау опубликовал книгу под названием «Вырождение» – в ней речь идёт о кризисе культуры на рубеже двух веков. Конечно, время было другое, да и представления Нордау об устройстве мира существенно отличались от того, что стало вполне привычным для большинства из нас, но в его книге есть немало мыслей, наблюдений, которые актуальны и в нынешние времена

«Вчера они ещё были реалистами или порнографами, сегодня они уже – символисты или декаденты. Они так же легко пишут религиозные сказания, как и исторические романы, приключения, трагедии или деревенские рассказы, смотря по тому, на что есть требование со стороны критики и публики. Эти господа, составляющие, как я уже неоднократно указывал, громадное большинство представителей умственного труда, следовательно, и членов разных модных кружков и кучек, конечно, совершенно здоровы, хотя они и стоят на очень низкой ступени развития».

Желание любым способом привлечь к себе внимание публики заставило многих порвать с традиционными направлениями в искусстве, но и это ещё не всё. Главная причина состоит в отсутствии таланта, в неспособности создать нечто достойное внимание просвещённой публики – владение ремеслом не даёт права считать себя художником в высоком смысле этого слова. Впрочем, прав Нордау – истеричная толпа готова превозносить «талант» любого бездаря, который понравится по каким-то неизвестным нам причинам.

Какую же участь Нордау напрозорчил литературе?

«Что же касается до будущего развития литературы и искусства, которым главным образом посвящено это исследование, то оно нам рисуется довольно ясно. Я воздержусь от искушения наметить слишком отдаленный период времени. В таком случае мне, может быть, удалось бы доказать или, по крайней мере, обосновать предположение, что в умственной жизни отдалённых веков искусство и поэзия займут очень скромное место».

Почему-то Нордау отделил литературу от искусства и при- низил влияние поэзии на нашу жизнь, но философ оказался прав, по крайней мере в том, что касается литературы. Впрочем, если отнести к понятию «литература» ту белиберду, которой заполнены полки книжных магазинов, тогда возникает повод для сомнений. Словно бы предвидя мой вопрос, Нордау всё толково разъясняет:

«Фанатическим последователям психопатически модных течений в искусстве и литературе, которые, не будучи сами психически больны, тем не менее близки к сумасшествию, точно так же было бы бесполезно доказывать, что они увлекаются ерундой. Они этому не поверят».

Так оно и было – не поверили. А всё потому, что с модой не справится никто – модное течение унесёт, затянет в водоворот, и прости-прощай, философ. Но вот прошло сорок лет и о том же пишет Йохан Хейзинга:

«Существует сходным образом интеллектуальное пере-

производство, постоянно растущий поток напечатанных либо выброшенных в эфир слов и прямо—таки безнадёжная дивергенция мысли. Вокруг художественной продукции образовался порочный круг, внутри которого художник зависит от рекламы, то есть от моды, а та и другая зависят от коммерческой выгоды».

Сразу уточню, что, используя словосочетание «интеллектуальное перепроизводство», Хейзинга имел виду только всем известный факт, будто мысли возникают в голове. А уж умные или глупые мысли — это так и остаётся неизвестным, пока не дочитаешь книгу. Важнее то, что в своём предвидении перспектив развития искусства Хейзинга пошёл гораздо дальше Нордау, и тому есть объективная причина. Дело в том, что в конце XIX века кинематограф делал только первые шаги, но уже в тридцатые годы прошлого столетия можно было догадаться, к чему всё это приведёт:

«Сама драматургия почти целиком переносится во внешнюю зрелищность, а произносимое слово играет всего лишь вспомогательную роль. Искусство созерцания сведено теперь к умению быстро схватывать и понимать беспрерывно меняющиеся визуальные образы. Молодёжь приобрела такой необыкновенный синематографический взгляд, прямо—таки поражающий старшее поколение».

Сейчас это «умение схватывать» доведено у части публики до совершенства, и, чтобы не лишиться прибыли, продюсеры, театральные и кинорежиссёры вынуждены учитывать

изменившиеся вкусы. Вот только к искусству это не имеет никакого отношения.

Но в чём причины кризиса литературы, первые признаки которого были обнаружены ещё в конце XIX века? На этот вопрос попытался ответить Дмитрий Мережковский в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», опубликованной в 1893 году:

«Мы видим повсюду и во все века – в современном Париже, как во Флоренции XV века и в Афинах Перикла, и в Веймарском кружке Гёте, и в Англии в Эпоху Елизаветы, – мы видим, что нужна известная атмосфера, для того чтобы глубочайшие стороны гения могли вполне проявиться. Между писателями с различными, иногда противоположными темпераментами устанавливаются, как между противоположными полюсами, особые умственные течения, особый воздух, насыщенный творческими веяниями, и только в этой грозовой, благодатной атмосфере гения вспыхивает та внезапная искра, та всеозаряющая молния народного сознания, которой люди ждут и не могут иногда дожидаться в продолжение целых веков».

Для начала внесём ясность в понятие «гений». Тут нам поможет психиатр Михаил Катунин, в начале прошлого века написавший несколько статей на эту тему:

«Не гений создаёт своё произведение, а потребители создают гения, как такового, другими словами: произведение создаёт гения, а не наоборот. То же самое произведение се-

годня не будет иметь в себе ничего гениального, а завтра община сделает творца его гением».

Так что благоприятная атмосфера для творчества нужна, но гениальность не имеет к этому никакого отношения.

В итоге с неизбежностью приходим к выводу, что отсутствие атмосферы, которая способствует созданию литературных произведений, – это следствие кризиса культуры, а не причина. Что же касается основной причины, то Мережковский сформулировал её так:

«Есть два средства овладеть вниманием толпы: во-первых, написать истинно гениальное произведение. Но на это способны один или двое в целом поколении, да и те работают почти всегда бескорыстно. Другое, столь же верное и более лёгкое: угождать низшим потребностям толпы. И чем ниже потребности, удовлетворяемые книгой, тем обширнее круг читателей, тем быстрее почти волшебное обогащение людей, продавших толпе даже самый крошечный талант... Никогда ещё русская литература, открытая всем ветрам, преданная всем вторжениям, затоптанная даже не демократической, а просто уличной толпою, не была так беззащитна перед грубым насилием нового, с каждым днём возрастающего денежного варварства, перед властью капитала».

Теперь можно обсудить, что думает о кризисе литературы известная актриса – имени не стану называть, на то есть свои причины:

«У нас с жанрами вообще беда. Военное кино, нелепая

комедия, кино про спорт. Либо жёсткий артхаус – всем там плохо, всех тошнит, и у тебя после фильма ощущение, что ты испачкался и надо выпить литр водки, чтобы забыть об этом. За редким исключением. Но я не верю, что у нас нет хороших сценаристов, режиссёров и актеров. Мало свободы и мало вкуса – это точно. Мы не можем открыто говорить на многие темы, обсуждать истинные человеческие переживания, и приходится прибегать к картонно-целлулоидной картинке или делать разрешённый кошмар о разрешённой у нас бытовухе».

Казалось бы, верно сказано – не обо всём можем во всеуслышание говорить. Однако причина кризиса литературы и кино не в боязни затронуть скользкую тему, а в том, что в погоне за прибылью вынуждены работать по шаблону – на создание хорошего сценария либо нет времени, либо таланта не хватает. За последние двенадцать лет только Роману Прыгунову, режиссёру фильмов «Dухless» и «Dухless-2», удалось создать на основе предложенного ему материала нечто достойное российского и даже зарубежного экрана.

Так пишут на запретные темы или нет? В качестве примера упомяну два своих романа, сюжеты которых навеяны всем известными событиями – «Охота на министра» и «Западня для генерала». Как ни странно, меня ещё не посадили, даже не приглашали на Лубянку для разговора по душам. Так что запретных тем не существует – есть только опасение, что от кормушки надолго отлучат. Либо Минкульт не станет фи-

нансировать фильм по злободневному сценарию, либо театр лишится поддержки московского правительства.

Так есть надежда на возрождение культуры или всё, что нам останется, это некий эрзац, завезённый с Запада? В июне 1978 года Александр Солженицын произнёс речь на ассамблее выпускников Гарвардского университета, где были такие слова:

«Душа человека, исстрадавшаяся под десятилетиями насилия, тянется к чему-то более высокому, более тёплому, более чистому, чем может предложить нам сегодняшнее западное массовое существование, как визитной карточкой предпосылаемое отвратным напором реклам, одурением телевидения и непереносимой музыкой».

С тех пор на Западе ничего не изменилось, однако теперь «напором» и «одурением» может похвастать и матушка-Россия – особенно в этом преуспело телевидение. Халтурные сериалы, семейные разборки на виду у всей страны – это мы как-нибудь переживём, хотя иногда плевать хочется. Но вот скажите мне, почему с телеэкрана рекламируют лекарства, при этом рекламные клипы идут гуськом, а сделаны так искусно, что даже мне иногда хочется, как есть, в домашних шлёпанцах бежать в соседнюю аптеку за каким-то средством?

Мрачная возникает картина. Всё, что остаётся – это забраться с головой под одеяло в надежде, что вот проснусь, и к этому времени все мои мучения закончатся – и рекламу

повсеместно запретят, и будет нормальное телевидение без всей этой муры, от которой шарахаешься, как от прокажённого.

Глава 11. Рупор пустословия

В начале 2011 года по инициативе компании «СТС Медиа» была проведена дискуссия, на которой обсуждались причины падения интереса к телевидению. Стенограмму можно прочитать на сайте <https://old.kinoart.ru/archive/2011/02/n2-article2>, а здесь приведу лишь наиболее интересные отрывки, опуская, в частности, комплименты в адрес компании СТС и её телепродукции.

Даниил Дондурей, в то время главный редактор журнала «Искусство кино»: «ТВ – главный инструмент производства национальной культуры, создания образцов поведения. Институт объединения живущих на одной территории людей в нечто целое. Это невидимые секретные службы по управлению страной, экономикой, человеческим капиталом, обеспечению национальной безопасности. Это "картины мира" для миллионов граждан. По своему воздействию на них телевизор вполне сопоставим с семьёй и школой, влиятельнее церкви и многих других институций. ... Каким образом нынешние три с половиной миллиарда долларов рекламных поступлений столь жёстко определяют философию "фабрик мысли" в современной России?»

Прямого ответа на вопрос Дондурей так и не дождался – разговор зашёл о женщинах.

Дмитрий Троицкий, продюсер спецпроектов «СТС Ме-

диа»: «...Если вы не смотрите телевизор, то потому, что не являетесь женщиной сорока шести лет со средним образованием. Она своего рода маньячка, потому что тратит подчас 80 процентов свободного времени именно на просмотр телевизора. Остальной свой личностный ресурс – на приготовление еды и заботу о доме».

Далее пошло уже интереснее, а началось всё с комплимента руководителю «Первого канала».

Д. Дондурей: «...Я хотел бы также в связи с темой дискуссии привести высказывание одного из крупнейших теоретиков российского телевидения Константина Львовича Эрнста по поводу его понимания природы электронных медиа: "...на самом деле, это такая специфическая сфера обслуживания населения, вроде службы быта или общепита"... Многие молодые люди бьют себя в грудь и говорят: "Я уже не смотрю телевизор, мне скучно, противно, это не для меня, а для моей бабушки". Придумывается масса разного рода объяснений этой ситуации. Может быть, за этим стоит вызревание какой-то другой реальности?»

Ксения Собчак, в недавние времена телеведущая: «Мне кажется, странность возникшего положения вещей заключается в том, что мы – люди, которые здесь собрались обсуждать современное телевидение, – в основном, его не смотрим. Главное, что произошло ещё в 1990-е, – это то, что оно полностью утратило статус элитарного продукта. В эпоху первых съездов и всей той перестроечной активности элита

буквально жила телевизором, и каждый день на кухнях всё обсуждала, а сейчас, спустя два десятилетия, телевидение в целом стало, к сожалению, немодным».

Д. Дондурей: «Вам кажется, это произошло из-за гонки за массовостью или есть какие-то другие содержательные мотивы?»

К. Собчак: «Первая причина, конечно, массовость, что, впрочем, неизбежно – так происходит по всему миру. Во-вторых, отсутствие реальных новостей, свободы слова... Для меня, как для человека, который работает на ТВ, главная проблема российского телевидения – отсутствие профессиональных сценаристов. К сожалению, это касается и нашего кино, и ток-шоу, развлекательных программ...»

Д. Дондурей: «А куда делись сценаристы – у вас есть какое-то объяснение? Никаких злокозненных указаний их души, травить в отеле «Ритц» нет. Почему они не возникают? В России имеется масса странных людей, готовых свою креативность и психологическую тревожность превратить в авторские амбиции».

К. Собчак: «Этот вопрос меня тоже очень волнует. Посмотрите, мы уже научились снимать, практически, как в Голливуде; у нас есть прекрасные актёры, огромные бюджеты. Но в итоге полное отсутствие яркого, логичного, хорошего сценария...»

Всё это последствия кризиса в литературе, причины которого обсуждались в другой главе – там я попытался выяс-

нить, кто виноват и что же надо делать. Ну а пока вернёмся к образу женщины-маньячки, который был создан стараниями Троицкого.

Юрий Сапрыкин, редакционный директор журнала «Афиша»: «Допустим, что телевидение действительно работает исключительно для пресловутой женщины сорока шести лет. Мне ещё кажется, что в какой-то момент оно перестало искать некий знаменатель, который объединяет меня или Ксению с нашей героиней. Раньше, в золотое советское время, телевидению удавалось эту точку находить, и вся советская классика, от "Семнадцати мгновений весны" до программы «Взгляд», сделана на пересечении наших с этой женщиной интересов».

Д. Дондурей: «А сейчас вы развелись?»

Ю. Сапрыкин: «А сейчас на нас телевидение просто "забило", поскольку мы вечером ходим в кино или где-то выпиваем. Вот оно и обратилось к своей лояльной аудитории, совершенно не учитывая нас. ... А дальше, когда ты включаешь заточенное под неё телевидение, там идет сериал, ну, не знаю, "Колечко с бирюзой". Он, на самом деле, не про тот мир, в котором она реально живет, и внутренние проблемы ей решать не помогает. Система ценностей в этом сериале вполне патриархально советская. Про то, что все мы такие разные, но при этом такие одинаковые. Даже если на экране и возникают моменты социальной, национальной, поколенческой напряженности, решаются они каким-то предельно

благодарным и неискренним способом...»

Д. Дондурей: «Но следует помнить, что именно эта женщина, в метафорическом смысле, приносит телеканалам миллиарды долларов, уж точно половину всех денег. Поэтому практичные телебоссы думают именно о ней. Проблема в том, что она со своими подругами не узнаёт реальность... А кто ж тогда её в телевизоре узнает?»

Ещё одну злободневную тему затронул известный театральный и кинорежиссёр.

Кирилл Серебренников: «Я несколько раз в год приезжаю к родителям в Ростов-на-Дону. Они люди советской генерации, у которых в каждой комнате стоит по включённому телевизору, всего – четыре. Избавиться от этого я не могу, поэтому, попадая в родной город, с открытым ртом смотрю, что происходит на нашем телевидении. Возникает нервно-паралитический эффект, и я с ещё большим удовольствием от того, что больше не буду его смотреть, возвращаюсь в свою обычную жизнь. Для меня телевидение не является средством массовой информации, скорее, пропаганды... За всеми этими невинными сериалами и программами я начинаю задаваться вопросом: кому это выгодно и ради чего всё это делается? Потому что понимаю, что ТВ не медиум, а, скорее, какой-то оракул, своего рода колокольчик, оповещающий либо о войне, либо о чём-то ещё. Отвлечение людей от каких-то важных, серьёзных решений, потому что он имеет нервно-паралитическое действие. В нашем российском слу-

чае – это такая форма рая, своего рода райские кущи, и человек, включающий телевизор, понимает, что всё возможно решить. Всё прекрасно, и от него лично – ничего не зависит. Всё на свете живёт какой-то собственной жизнью».

Ю. Сапрыкин: «Я не согласен. В большинстве сериалов, особенно тех, что на женщин направлены, все героини страдают, мучаются. В общем, возникает ощущение тревожности...»

К. Собчак: «Кирилл упускает одну вещь: при том, что здесь действительно создаётся впечатление "промывки мозгов", следует признать, что на Западе все развлекательное телевидение практически такое же, иногда гораздо пошлее. Но когда это идёт вместе с актуальными, острыми новостями, то у всего этого есть смысл... Когда убирается новостной сегмент и остается только сахарный пончик, тут-то и складывается ощущение, что тебе промывают мозги».

Ю. Сапрыкин: «Вся суть телеэфира заключается подчас в том, что нужно переорать собеседника. Чисто технологическая задача».

К. Серебренников: «Но это значит, что корень зла – не в самом телевидении, а, вообще, в культуре, в уровне развития сегодняшнего российского населения».

Ю. Сапрыкин: «Истерика живёт в обществе, оно сегодня очень истерично».

Если всё продолжится в подобном ключе, тогда можно до такого договориться... Поэтому ведущий снова возвращает

дискуссию к женской теме.

Д. Дондурей: «Хочу ещё раз напомнить вам, что нашей любимой сорокашестилетней женщине ещё далеко до смерти, а она является основным потребителем и заказчиком телепродукции. И руководители телеканалов каждую секунду думают о том, как эту женщину удовлетворить, как впарить ей сериал, концерт советской эстрады или ток-шоу. Система вербовки зрителей у нас ведь очень простая. Это технология отрицательной селекции. Как можно радикальнее двинуться вниз: слухи, скандалы, убийства, страхи – всё то, чем наполнен контент почти всех, кроме "Культуры", общенациональных каналов российского телевидения. Это даёт шансы на рейтинг, а значит, на деньги. Здесь нет других мотиваций. Ну, ещё немного – репутации. Я не вижу сегодня никаких возможностей, инструментов, которые могли бы через те или иные экспертизы, специальные фонды или другие способы гражданской оценки остановить это неуклонное движение, служащее одной цели – заработку».

Долго молчавший инициатор диспута наконец-то дождался момента, когда можно вставить в этот разговор хотя бы слово.

Пётр Авен, председатель совета директоров компании «СТС Медиа»: «У меня только один вопрос: что мы сейчас обсуждаем? Дискуссия должна иметь какую-то, как мне кажется, цель. На что мы хотим повлиять?»

Д. Дондурей: «Мы хотим дать представление о сегодняш-

нем телевидении людей, которые достаточно сложно смотрят на мир...»

П. Авен: «Никаких прикладных задач наша дискуссия не имеет?»

Д. Дондурей: «Нет, мы пытаемся представить рефлексию экспертов на эту тему, потому что сегодня в нашей стране нет более важного общественного и культурного института, чем телевидение...»

П. Авен: «Мне кажется, достаточно бессмысленно обсуждать болезни тех субъектов, на которые мы никак не можем повлиять... Одна из причин, почему мы не смотрим телевизор, связана как раз с тем, что мы на ТВ не влияем. Нам не нравится – мы действительно можем чем-то другим заняться. В чём фундаментальная разница, например, модели ВВС и частного телевидения? ВВС получает государственные средства – это одна ситуация. Вторая модель – нам не нужно государственное телевидение, только частное, мы будем давать деньги целенаправленно под какие-то социальные и культурные программы. И у американцев, действительно, очень вдохновляющее телевидение только потому, что государство там, безусловно, тратит большие деньги на поддержку той культуры, которую, на его взгляд, правильно поддерживать. Это как-то постепенно становится коммерчески выгодным. У нас сегодня государство деньги на эти цели не тратит...»

К. Серебренников: «Телевидение – это только бизнес?»

П. Авен: «Если государство денег на достижение своих целей не даёт, что мы должны в этих условиях делать? Для нас это бизнес, по-другому не может быть. Можем ли мы на это повлиять? ... Как только нам будет выгодно платить деньги сценаристам и снимать снова длинные и хорошие сериалы, у нас тут же появятся хорошие сценаристы...»

К. Серебренников: «Вы занимаетесь телевидением в основном из-за бизнеса?»

П. Авен: «Абсолютно».

К. Серебренников: «А когда выборы будут?»

П. Авен: «У нас в уставе написано: мы не занимаемся политикой. У нас законодательное ограничение. Вот Юрий говорил о том, что такое плохое телевидение, то плохо, другое, а я вам скажу: дождь мокрый, капли холодные – мы ведь на это не жалуемся. Сегодня жаловаться на телевидение – то же самое, что жаловаться на погоду».

А. Кудряшов, генеральный директор «СТС Медиа»: «... Кто рекламодатели? Вот ключевой вопрос. Три четверти – это компании, занимающиеся производством и продажей товаров народного потребления. Им нужен зритель от восемнадцати до сорока девяти лет – на эту возрастную категорию приходится примерно 85 процентов всех рекламных расходов. Вот кто им нужен – потребители их товаров».

Д. Дондурей: «Вот здесь сегодня прозвучало мнение, что телевидение – это бизнес. Жёстко и честно. С другой стороны, весь разговор идёт о том, что оно чуть больше, чем биз-

нес. Касается всей сферы жизни. Но миссия государства как важнейшего игрока на рынке телевидения никогда у нас не обсуждается. Если вы возьмёте встречу президента с руководителями трех телеканалов или посмотрите соответствующие оценки премьер-министра, то увидите: они чуть ли не восхищённые, ну, в публичном поле, по крайней мере. Всё то, о чем мы здесь говорили как о болезнях, не возникает в гражданском сознании, в пространстве общественных рефлексий. Что такое для государства объемы рекламных поступлений в 3,5 миллиарда долларов? Меньше 0,3 от ВВП, смешные деньги. Государство немножко поддерживает ВГТРК и практически не вкладывается в программирование нации. У нас телевизионная отрасль управленчески загнана к инженерам в Минсвязи... Остальное – рынок и политическая барщина. Государство не воспринимает телевидение как нечто большее, чем бизнес или информацию. Или делает вид, что не воспринимает, потому что его устраивает положение вещей. А ведь это кардинальное состояние человеческого капитала, а следовательно, и развития страны. Государство не осознаёт себя деятельным участником широких контент-процессов. Сравните с английскими, французскими или американскими моделями программирования зрителей – отсюда и все моральные проблемы. Никакой альтернативы пока и быть не может. Авен и Кудряшов иной стратегии не допустят, потому что будут терять деньги, капитализацию».

П. Авен: «Насчёт движения вниз и вверх – это не совсем

так. Я не могу сказать, что все те годы, что мы владеем СТС, а это уже пятнадцать лет, мы интеллектуально, профессионально идём вниз. Это не так, я думаю, что так оценивать неверно. Как, впрочем, и подобная однозначная оценка общества. Это, мне кажется, поверхностный взгляд. Более того, с точки зрения качества телевизионного продукта, мы пошли вверх, потому что у нас сформирована вполне разумная и большая аудитория...»

К. Серебренников: «Я так же не соглашусь с вами, Даниил Борисович, что государство не участвует в телевидении. Оно как раз участвует, потому что воспринимает его как основной пропагандистский ресурс. Кто создаёт рейтинги вождем? Просто в данном случае мы обсуждаем развлекательное независимое телевидение».

Ю. Сапрыкин: «За телевидением государство следит значительно пристальнее, чем за всем остальным, в Кремле его на ежедневных совещаниях обсуждают, ни одной другой сферой культурной жизни так не занимаются. Обсуждают даже конкретные сюжеты».

К. Собчак: «Власть интересуют именно новости, политическое вещание, но не морально-нравственная составляющая и не воспитательная функция телевидения. В этом проблема...»

К. Серебренников: «Государство просто обязано быть заказчиком, если оно осознаёт опасность усилившихся ксенофобских настроений. Это угрожает и целостности страны, и

морали общества».

Д. Дондурей: «А чем вы объясните, что государство этого десять лет не делает, ежедневно занимаясь политикой?»

К. Серебренников: «...То, что делает государство, не поддается никаким логическим умозаключениям... Если говорить о телевидении и о той сфере, с которой я общаюсь каждый день, – театром, могу сказать: от уровня публики, приходящей к нам от телевизоров, можно упасть в обморок...»

П. Авен. «...Вот если бы выделили минимальные деньги на реализацию социальных целей на "Первом", "России", на нормальное кино, многое было бы совсем по-другому...»

Д. Дондурей: «Мне кажется, что в нашей дискуссии были высказаны продуктивные идеи. Впервые, наверное, прозвучало предложение поговорить с государством о его зоне ответственности, о финансировании поворота в другую сторону... Мы не говорили здесь о разных самостоятельных сегментах аудитории, хотя я на это надеялся. Но зато детально, под микроскопом посмотрели на вкусы любимых сорокашестилетних женщин, относясь к ним, как к метафорическому сообществу...»

Итак, для одних участников дискуссии телевидение – это только бизнес, ну а другие всё ещё надеются на вмешательство государства в «воспитательный процесс», имея в виду не только воспитание лояльности по отношению к власти, но и повышение уровня культуры и нравственности людей. Как это ни обидно, к согласию так и не пришли, а рупор пусто-

словия продолжает существовать и за прошедшие годы достиг значительных успехов в оболванивании телезрителей.

Тут самое время привести слова Анатолия Лысенко, одного из основателей ВГТРК:

«Я начинал, когда ТВ было творчеством, потом ТВ стало на какой-то короткий период творчеством и политикой. Сегодня это прежде всего бизнес и политика, творчество опустилось на третье место. А бизнес – это цифры, рейтинг. Конечно, я тоже стремился добиться популярности, чтобы наши передачи смотрели больше, но всё подчинять рейтингу – нет. Я не сумел бы уже работать на таком телевидении. Это для другого поколения».

Судя по всему, за прошедшие годы при попустительстве властей было воспитано такое поколение, которому не нужно то телевидение, которым гордился Анатолий Лысенко. ВГТРК в первые годы своего существования радовало большинство людей и могло бы успешно развиваться, если бы его не подмяли под себя такие люди, как Авен, Эрнст и Добродеев.

Что же мы имеем теперь? Сошлюсь на мнение писателя и литературоведа Евгения Водолазкина, с которым можно ознакомиться на сайте <https://www.gq.ru/entertainment/zachem-nam-voobsche-nuzhno-televidenie>:

«Включив однажды телевизор, Дмитрий Сергеевич Лихачев попал на мексиканский сериал. Выключив его через минуту, он задумчиво произнёс: "Интонации склочные и ма-

локулярные». К сожалению, приходится признать, что это касается не только сериалов. Определение Дмитрия Сергеевича я вспоминаю и сейчас, годы спустя. Когда, переключая каналы, попадаю на ток-шоу, то про себя его [определение] непременно произношу. Жёны и мужья, любовницы и любовники, дети, рождённые в браке и вне брака, генетическая экспертиза. Интонации – да, именно такие. Политологи, военные эксперты, депутаты, представители ближнего и дальнего зарубежья. Эти хотя и обходятся без генетической экспертизы, но – интонации...»

И далее:

«Отдельная песня – интервью. Предоставив слово дружественному спикеру, слушают долго и не перебивая (крупный план его усталых глаз), с недружественным же поступают прямо противоположным образом. Его постоянно перебивают, не давая закончить ни одной фразы и выставляя в смешном и неприглядном виде: на телевизионном языке это называется "козлить". Не менее эффективный приём – загнать несчастного в систему «да/нет» и тихо добить...»

А вот мнение анонимного телезрителя, которое я нашёл тоже в интернете, на сайте https://dzen.ru/media/sunduchok_s_podarkami/zachem-nam-takoe-televidenie-5e96d96f768b3e2544309640, – датировано оно 2020 годом::

«Что касается политических программ, то они просто убивают. Кажется, что все каналы вместе и заранее опреде-

ляют темы, которые будут обсуждаться. На всех каналах одно и то же. Эксперты, по-моему, не всегда успевают перебежать с одной передачи на другую. Я понимаю, что новости – они и есть новости, но их тоже можно рассматривать с разных точек зрения, есть разные нюансы новостей. Но каналы и их редакторы не хотят, очевидно, заморачиваться, и делают всё как под копирку. Сначала без остановки обсуждали Украину, как будто в огромной стране говорить больше было не о чем, теперь только о коронавирусе. Это очень важный вопрос, вопрос жизни и смерти, но жизнь не стоит на месте. Создаётся впечатление, что задача таких политико-информационных программ создать напряжение в среде зрителей и поддерживать его как можно больше. Плохие новости и отрицательные эмоции дольше удерживают внимание. Положительные эмоции нужно создавать, материалы для них нужно разрабатывать, а негатив сам за себя работает».

Не могу не согласиться – в нашей стране есть множество нерешённых проблем, которые следовало бы обсудить в политических ток-шоу, но, как правильно отметил выше Пётр Авен, мы не имеем возможности влиять на телевидение. Словно бы это некое государство в государстве, игнорирующее основы демократии.

А вот ещё один пассаж, причём весьма эмоциональный: «Но еще больше раздражают развлекательные программы. Это просто паноптикум какой-то! Программы либо переделаны из иностранных аналогов или придуманы очень

ограниченными людьми для ещё более ограниченных зрителей... Постоянная публичная стирка грязного белья просто шокирует. Я, во-первых, не понимаю как можно [публично] обсуждать свою личную жизнь, рассказывать о своих секретах, даже за огромные деньги, а во-вторых, как можно изо дня в день смотреть все эти откровения».

И в завершении слова, под которыми готов подписаться:

«На нашем большом телевидении деньги и рейтинги оказались несовместимы с интеллектом, истинной увлеченностью и профессионализмом. Пока "пипл хаваёт" можно гнать пошлятину, тупизм, неприкрытую глупость, враньё, грязь во всех видах».

Глава 12. Логика империи

Ни одно государство в мире не может стабильно развиваться без экономических связей с другими странами. Для закрепления этих связей нередко создают политические союзы, а уж если возникает угроза нападения со стороны третьих стран, тогда неизбежно появляется на свет военно-политический альянс. Но тут не всё так просто – об этом пишет Никколо Макиавелли в трактате «Государь»:

«Лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не понуждает необходимость, как о том сказано выше. Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в руках, государи же должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям».

Такого рода союз недолгое время существовал во время второй мировой войны, но затем распался, поскольку и необходимость в нём отпала, и недоверие между СССР и США перешло ту критическую черту, за которой неизбежно возникает конфронтация, чреватая столкновением на новом поле битвы. А вот европейские страны намертво связали себя с США и теперь «мировой гегемон» вертит ими, как ему угодно.

Россия пошла по другому пути – мы добивались гарантий взаимной безопасности на основе договоров с США и НАТО. Вот и в декабре 2021 года Россия, по сути, выдвигает

нула ультиматум Западу, требуя заключить договор, согласно которому НАТО не будет расширяться в восточном направлении, а войска США не будут размещаться на территории государств, граничащих с Россией. Тут возникают кое-какие сомнения: что страшного произойдёт, если США разместят на этих территориях ракеты, которые за короткое время могут долететь до Москвы? Допустим, нанесут удар, но ведь ясно, что тут же получают сокрушительный ответ – для этого есть ракеты стратегического назначения, размещённые на подводных лодках и в Восточной Сибири, а целью станут военные объекты и города Европы и США. На мой взгляд, вашингтонские власти на такое безрассудство не способны. Ну разве что американцы изберут президентом безнадёжно больного человека, который захочет уйти из жизни, прихватив с собой всё население Земли. При всём при том, что западный мир в нравственном отношении деградирует стремительно, такой вариант развития событий в ближайшем будущем можно исключить.

Как бы то ни было, но США и НАТО отвергли требования, и потому российское руководство приняло решение самостоятельно добиваться обеспечения безопасности, для чего на территорию Украины были введены войска. Целью специальной военной операции (СВО) была провозглашена демилитаризация и денацификация Украины, что позволило бы добиться и сопутствующей цели – это прекращение обстрела городов Донбасса и обеспечение водой Крыма по

Днепровскому каналу.

Так выглядит эта ситуация с точки зрения политика или политолога, но есть и другое объяснение тому, что произошло. Дело в том, что в голове руководителя любого государства рано или поздно возникает вопрос: как поддержать или упрочить свой авторитет в глазах подданных, к примеру, если экономика ещё не достигла должного уровня и люди бедствуют? Обычно это происходит потому, что чиновники пекутся, прежде всего, о своём личном благе, но в дело могут вмешаться и внешние причины: экономическая блокада, санкции или ещё что-то в этом роде. Ответ на такой вопрос известен: нужна маленькая победоносная война, что-то похожее на то, что было в августе 2008 года в Закавказье, а ещё лучше, если повторится март 2014 года в Крыму.

Вот и Никколо Макиавелли придерживался такого же мнения, о чём и написал в трактате «Государь»:

«Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. ... Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, то есть когда он без колебаний выступает за одного против другого – это всегда лучше, чем стоять в стороне. ... Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению».

В прежние времена, например, в Средневековье такие «военные предприятия» были в порядке вещей – воевали по

любому поводу. Макиавелли это подтверждает:

«Поистине страсть к завоеваниям – дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой».

Так оно и есть: сегодня любая, даже небольшая война приводит к огромным разрушениям и к гибели множества людей, причём с обеих сторон. Поэтому надо бы предварительно оценить, стоит ли таких жертв поставленная цель. Ошибка нынешних «завоевателей» как раз в том, что они не учли своих возможностей. Казалось бы, странно объяснять таким образом неудачи США в Сирии и Афганистане, но факт остаётся фактом – крупнейшая мировая держава не смогла подчинить себе эти азиатские страны. Судя по всему, военная мощь не может компенсировать недостатки интеллекта. Примерно тоже происходит и на Украине.

Есть и ещё одна, более фундаментальная причина для начала таких войн. Вот что написал американский военный историк Элиот Коэн в статье, которая была опубликована 18 ноября 2004 года в *Global Affairs*:

«Логика империи сводится к логике расширения, а сложнейшая стратегическая проблема империи – это принятие непомерных обязательств и перенапряжение ресурсов».

Именно такие причины привели к распаду Римской, Османской и Российской империй – империя обязана рас-

ширяться, но не всегда так получается из-за внутренних причин. Ну а причина стратегических ошибок в том, что власть оказалась некомпетентна и не смогла учесть все риски расширения, не сумела должным образом организовать управление захваченными территориями. Впрочем, российским властям до поры до времени это удавалось.

Ещё со времён Ивана Грозного Россия периодически поглощала слабые государства, располагавшиеся близ её окраин, и продолжала расширяться после формального провозглашения империи в 1721 году. Помимо Польши и Финляндии, были присоединены обширные территории на Кавказе и в Средней Азии, при этом ряд новых областей в составе России пользовался правами широкой автономии. Однако поражение в русско-японской войне 1904-1905 годов, поставив крест на проекте по захвату северо-восточных областей Китая, стало свидетельством того, что империя утратила способность к поглощению новых территорий и находится в глубоком кризисе. Это стало началом её конца, а участие в первой мировой войне лишь ускорило процесс деградации и распада. Бездарный император, которому не по силам было проводить реформы в интересах государства, стал основным виновником гибели Российской империи.

После первой мировой войны возникла новая империя – Союз Советских Социалистических Республик. В первые годы его существования была предпринята попытка «разжечь огонь мировой революции». Однако неудачи в Германии и

Венгрии, слабость советской экономики заставили Сталина отказаться от этой идеи, хотя Лев Троцкий продолжал мечтать о единой социалистической Европе. Возможности для расширения империи появились после окончания второй мировой войны, когда в орбиту влияния СССР были вовлечены государства Восточной Европы, ставшие частью «социалистического лагеря». Новые предпосылки расширения советской империи возникли в связи с подъёмом национально-освободительного движения в бывших колониях Великобритании, Нидерландов и Франции. СССР поддерживал эту борьбу, выделяя финансовые средства, поставляя оружие и подготавливая военных специалистов. Однако воспользоваться в полной мере победой революционных сил в Африке и в Юго-Восточной Азии не удалось. Главная причина этой неудачи была та же, что погубила империю Николая II – слабая, некомпетентная власть. Отказ советского руководства от проведения прогрессивных реформ в экономике не позволил осуществить своеобразный план Маршалла для вновь возникших государств. Выделенных на эти цели средств в итоге не хватило, чтобы удержать лидеров национальных революций в подчинении. Империя постепенно теряла вассалов и в итоге оказалась один на один со своим геополитическим противником – инициированное руководством США падение цены на нефть привело к краху экономики и распаду государства.

Итак, главный совет, который можно дать руководите-

лям любого государства, имеющим имперские амбиции, – не останавливаться в своей экспансии, в расширении своего влияния на другие государства или в захвате новых территорий. Но можно ли Россию назвать империей? Удачное определение этого понятия дал Элиот Коэн в уже упомянутой статье:

«Империя – это многонациональное или многоэтническое государство, которое распространяет своё влияние путем формального либо неформального контроля над другими государственными образованиями».

Неформальный контроль – это именно то, что требуется в нынешних условиях. Зачем захватывать новые территории, зачем подвергать угрозе жизни своих солдат, если есть возможность поставить другие государства под свой контроль, однако не так, как это делали правители империй прошлых лет, – без кровопролитных войн и подавления малейших проявлений инакомыслия в завоёванных странах. К тому же не придётся выслушивать обвинения в ООН и рисковать авторитетом демократической державы.

Увы, России не по силам использовать подобную методу, поэтому и пришлось идти на риск.

Глава 13. Издержки послушания

В моей книге «Мастер Путин и Америка», опубликованной на ЛитРес через месяц после начала СВО на Украине, есть такие строки:

«Можно ли было защитить интересы жителей восточной части Украины мирным путём? Увы, первые дни после государственного переворота 2014 года показали, что к власти в Киеве пришли радикал-националисты, которые любые проблемы предпочитают решать с помощью грубой силы. Увещевать и уговаривать таких людей совершенно бесполезно, поэтому напрашивался силовой ответ на попытку залить кровью взбунтовавшийся Донбасс. Но прежде следовало предъявить киевским властям ультиматум. Суть его должна была состоять в следующем: на юго-востоке Украины проводится под международным контролем референдум по вопросу самоопределения этой части страны – то ли население всё устраивает, то оно хочет получить автономию в составе федеративной Украины, то ли предпочитает образовать самостоятельное государство. В случае отказа киевских властей от проведения референдума Россия ввела бы на эту территорию свои войска».

В пользу такого варианта свидетельствовала относительная слабость украинской армии, вооружённой, в основном, устаревшей техникой советского образца. Можно было бы

надеяться на понимание ряда нейтральных государств – ведь предлагали же мы провести референдум, и не наша вина, что пришлось пойти другим путём. Но этого не было сделано, а в результате – тысячи погибших после начало так называемой АТО, регулярные обстрелы прифронтовых городов Донбасса и замороженный на восемь лет конфликт. Лишь в феврале 2022 года было принято решение о введении российских войск на территорию Украины, чему предшествовало признание самопровозглашённых республик Донбасса, ЛНР и ДНР.

При обсуждении вопроса о признании на заседании Совета безопасности РФ были высказаны и слегка завуалированные сомнения в обоснованности такого шага. Вот что заявил секретарь Совбеза Николай Патрушев:

«Внесу предложение, что было бы целесообразно откликнуться на предложение американской стороны, на предложение Байдена о том, чтобы Вы провели с ним переговоры, во время которых можно было бы сказать, что "вы всё делали против народа Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, а мы обязаны их поддержать. Если вы способны в кратчайший срок, – можно обозначить два-три дня, – прекратить всю эту кровавую бойню, мы будем вести с вами диалог..." Но убеждён, что Вам будет дан отрицательный ответ, с Вами не согласятся. И поэтому единственное решение – это признание».

В этих словах есть некая двусмысленность: с одной сто-

роны, надо признавать, а с другой – надо бы предварительно побеседовать с Байденом. Эту позицию поддержал и глава СВР Сергей Нарышкин. Судя по всему, он обладал сведениями, которые позволяли спрогнозировать затяжную кровопролитную войну, а вовсе не спецоперацию наподобие той, которая была проведена в 2008 году в Закавказье. Однако сказать об этом перед телекамерой он не мог, хотя наверняка докладывал Путину о том, что украинская армия уже не та, что восемь лет назад, что её численность с учётом резервистов в несколько раз превышает численность российских войск, подготовленных к вторжению. Скорее всего, решающим аргументом в пользу начала спецоперации стала преимущество России в боевой авиации и новейших ракетных вооружениях.

Уверенности в том, что всё закончится благополучно, не было и в словах Михаила Мишустина:

«Мы уже много месяцев ведём подготовку к возможной, соответственно, реакции, к признанию ЛНР и ДНР. Я имею в виду в первую очередь импортозамещение и анализ всех рисков, с которыми мы можем столкнуться в случае принятия таких решений. ... Я сейчас выслушал то, что сказал Николай Платонович. Считаю, необходимо, конечно, довести нашу позицию, если хотите, катализировать её, и, в случае если никаких подвижек не будет, признавать ЛНР и ДНР».

Как видим, снова прозвучала ссылка на необходимость переговоров, ну а причиной наверняка стало понимание то-

го, что нет никаких гарантий успешного преодоления последствий грядущих санкций США и их союзников. И тем не менее, присутствующие на заседании Совбеза единодушно поддержали предложение президента о признании ЛНР и ДНР.

Тут самое время привести цитату из трактата «Государь» флорентийского философа XVI века Никколо Макиавелли:

«Государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается творить ему правду».

Похоже, никакого беспокойства не было – была только уверенность в скорейшей победе над врагом. Эту уверенность внушал план наступления, разработанный Генштабом: предположительно, он предполагал захват территории к югу от Донецка вплоть до Мариуполя с перспективой удара по Одессе и одновременно танковый прорыв в направлении Киева с последующей блокадой и захватом центра принятия решений, что лишило бы ВСУ возможности координировать свои действия. При этом авиация ВКС должна была уничтожить большую часть авиации ВСУ и обеспечить себе господство в воздухе.

Но что-то пошло не так, и главная причина состояла в том,

что ВСУ «совершенно неожиданно» обрушили всю свою огневую мощь на прифронтовые города ДНР и ЛНР. Вероятно, глава ДНР, обеспокоенный многочисленными жертвами среди мирных жителей и разрушением инфраструктуры, попросил у президента срочной помощи, а потому войска были отведены от Киева и переброшены на восток. Вот так на первоначальном плане был поставлен крест и неизбежным стало превращение СВО в затяжной конфликт с огромными потерями с обеих сторон.

Впрочем, надежда ещё оставалась – ВКС и артиллерия успешно справлялись со своей задачей, уничтожая военную технику ВСУ. Но тут вмешалось НАТО – начались поставки вооружения, и потери довольно быстро восполнялись. Ситуацию осложнило и то, что на Украине началась мобилизация резервистов – немногочисленный контингент российских войск не смог противостоять наступающим «ордам» – в сентябре пришлось отступить от Харькова далеко на восток, а в октябре было принято решение вывести войска с правобережья Днепра и сдать Херсон, предварительно эвакуировав его жителей. Если первое отступление можно при желании квалифицировать как случайность, то после второго напрашивался вывод – это уже закономерность.

В начале октября уже все освобождённые территории были включены в состав РФ и началась частичная мобилизация для пополнения поредевших войск, иначе трудно было противостоять наступающим войскам ВСУ и зарубежных наём-

ников, а уж о контрастности и вообще невозможно было помышлять. Но тут началась распутица, затруднявшая передвижение техники, и стороны перешли к обороне, хотя ВСУ малыми силами пыталось наступать, пытаясь найти слабые места в оборонительных построениях наших войск. Стало понятно, что предстоит затяжная война, чреватая многочисленными жертвами и непомерной нагрузкой на экономику России.

И тут с неизбежностью возникает вопрос: стоило ли возвращать в Россию Крым и оказывать помощь восставшему Донбассу? Возможно, надо было бросить на произвол судьбы русских по происхождению людей, как это сделали после распада СССР, когда многие разом оказались за пределами России? Ответ предельно очевиден: Россия Путина на это не могла пойти, иначе превратилась бы в жалкое подобие независимого государства, для жителей которого на первом месте следование своим инстинктам, а нравственные принципы преданы забвению. А коли так, надо мобилизовать все силы для достижения поставленной цели либо искать мирный выход из этой сложной ситуации.

Всё в той же книге я писал о такой возможности, имея в виду, что освобождённые территории выйдут из состава Украины:

«Если Путин принудит киевские власти к отказу от вхождения в военные блоки и защитит Донбасс, этого пока достаточно. В конце концов, необязательно всегда побеждать

противника нокаутом – иногда обстоятельства складываются так, что следует удовлетвориться победой по очкам. В том и состоит мастерство политика, чтобы в любой ситуации находить оптимальный вариант. Увы, с людьми, захватившими власть на Украине в 2014 году, договариваться о чём-то бесполезно – с лёгкостью необыкновенной нарушат любые договорённости, при этом на голубом глазу станут утверждать, что виноваты во всём Путин и Россия, а вашингтонские политики, пользуясь этим поводом, будут вводить новые санкции против нашей страны».

Так что же делать? Ответа пока нет, зато можно сделать предварительные выводы.

Как это ни прискорбно, но специальная военная операция не была должным образом подготовлена – расчёт на пресловутый «блицкриг» не оправдался. Причиной тому стала некомпетентность чиновников, как тех, кто в гражданской одежде, так и тех, кто в погонах. Политики не учли возможных последствий в виде широкомасштабных санкций Запада и военной помощи Украине из арсеналов НАТО, а кабинетные генералы, готовившие войска к некоему подобию танкового биатлона, не поняли, что на войне всё совсем не так, как на манёврах. Но даже если кто-то предвидел подобное развитие событий, привычное послушание начальству, основанное на боязни потерять высокий пост, не позволило заявить со всей определённостью о несогласии с решением руководства. И этому не приходится удивляться в

нынешних условиях.

Как заканчиваются такие войны? В Ираке американцы подкупили нескольких генералов, в Чечне мы сумели привлечь на свою сторону Ахмат-Ходжи Кадырова. А вот в Афганистане этого сделать не смогли ни мы, ни американцы.

Глава 14. А кто взамен?

В ситуации, когда экономика находится не в лучшем состоянии или возникают иные обстоятельства, мешающие размеренному течению жизни, в голове у многих людей как бы сам собой формулируется вопрос: а не засиделись ли в своих кабинетах те чиновники, которым доверили управление страной? Казалось бы, нетрудно найти достойных кандидатов на любой пост, можно проголосовать на выборах за другую партию, но смена власти далеко не всегда проходит гладко хотя бы потому, что новая метла метёт по-новому. На это обратил внимание Макиавелли в трактате «Государь»:

«Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне – законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности».

Но вот допустим, что избрали нового главу государства.

Можно ли избежать конфликта, и если нет, то почему? Вот какой ответ даёт Макиавелли:

«Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан – для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость. Надобно сказать, что такого рода единовластие – его можно назвать гражданским – учреждается по требованию либо знати, либо народа. Ибо нет города, где не обособились два эти начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается трояко: либо единовластием, либо беззаконием, либо свободой».

Итак, проблема в том, что у народа и у знати интересы разные, а потому и критерии при выборе нового государя не совпадают. Народу нужен честный, умный государь, ну а знать желает увидеть на таком посту послушного исполнителя её воли. Но что будет, если сам государь назначит своего преемника? На этот вопрос попытался дать Макиавелли:

«У государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан».

Следуя этому совету, некоторые государи и предпочитают назначать себе преемников – прежде всего, потому что им

не безразлична судьба страны, к тому же было бы неразумно полагаться на волю случая, ведь в результате свободных, честных выборов главой государства может стать человек, который захочет всё переустроить в согласии с собственными представлениями или следуя пожеланиям знати. Конечно, в назначении преемника присутствует и забота о личном благе, о своей семье после выхода в отставку, однако мечты не всегда сбываются – сев на престол, новый глава государства со временем забывает о своих обещаниях либо приходит к выводу, что их выполнение пойдёт во вред народу. Тем не менее, преемственность правления можно считать благом для страны, но только в том случае, если преемник этой должности достоин – тут следует учитывать и характер, и интеллектуальный уровень, и опыт управления, хотя на первом месте, безусловно, любовь к своей стране и к своему народу.

Что же может случиться, если не удастся соблюсти принцип преемственности власти и в результате на престол взойдёт «случайный» человек?

«Трудно удержать власть новому государю ... прежде всего вследствие той же естественной причины, какая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них

разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан – ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско».

Если применить эти слова Макиавелли к нынешним временам, то под завоеванием следует понимать всеобщие выборы, а под войском – людей, которых новый правитель назначит на ключевые государственные посты. Притеснения и повинности – это даже нет смысла пояснять: к примеру, если к власти придут «левые», неизбежно произойдёт повышение налогов, будет введён запрет на использование интернета, а там и до «сухого закона» совсем недалеко. Приход «правых» ничем не лучше – снижение налогов и дальнейшее углубление пропасти между бедными и богатыми вполне может привести даже к бунту. Понятно, что такие крайности народу ни к чему, ну а поиски золотой середины могут изрядно затянуться – одни, другие выборы, но где гарантия, что будет нужный результат хотя бы в отдалённой перспективе? Так что без преемственности в той или иной форме никак не обойтись.

Есть и ещё один аргумент в пользу достойного преемника: «Завоеванные и унаследованные владения могут принад-

лежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удерживать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства. ... В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати – тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.

Если под искоренением рода понимать снятие со всех государственных постов людей, близких к прежнему правителю, это то самое, что мы наблюдаем в любой стране после очередных выборов, в результате которых приходит к власти новая партия или новый клан. И тут компетентность людей, претендующих на высшие посты в государстве уже не играет решающей роли – тут ценятся лишь преданность и послушание. В случае же назначения преемника «искоренение рода» не потребуется, а значит не увеличится количество недовольных властью за счёт уволенных чиновников и останется хоть малая надежда на сохранение прежнего курса экономического развития страны. Однако этот тезис верен лишь при условии, что каждый из назначенных прежним правителем

чиновников вполне достоин своей должности. В противном случае не избежать «искоренения рода», то есть увольнения наиболее одиозных членов «семьи».

Уж если речь зашла о «завоевании» власти в такой многонациональной стране, как Россия, имеет смысл привести ещё один совет Макиавелли:

«Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание».

В царской России и в СССР следовали этому принципу, и в результате много русских переехало на жительство в страны Прибалтики и Средней Азии. Но вот ведь что случилось – советское руководство по злomu умыслу или по недомыслию не воспользовалось этим преимуществом и не воспрепятствовало отделению от России этих стран. Ну и кому от этого стало лучше? Во всяком случае, не русским людям в этих государствах. Одна из причин распада Советского Союза состоит в том, что его правитель напрочь утратил свой авторитет среди местных руководителей – иными словами, властная вертикаль существовала только на словах, а тут ещё в прессе появились призывы к подлинной демократизации в стране. Вот и Макиавелли подчёркивает важную роль правителя в достижении единства власти и народа:

«Там, где государь правит посредством слуг, он обладает большей властью, так как по всей стране подданные знают лишь одного властелина; если же повинуются его слугам, то лишь как чиновникам и должностным лицам, не питая к ним никакой особой привязанности».

По сути, тут речь идёт о вертикали власти, и если страной правит достойный государь, если его слуги умные и честные, тогда нет причин отказаться от такого способа правления. Однако на деле всё не так: человек не совершенен, не каждый из нас обладает высоким интеллектом и следует нормам христианской морали. Поэтому, увы, назначение преемника не решит накопившихся проблем – надо лишить коррумпированную знать возможности влиять на принятие важнейших решений и более тщательно подбирать людей для назначения на должности в органах власти.

И всё же допустим, что на всенародных выборах избран новый государь, рекомендованный его предшественником. Можно ли быть уверенным в том, что народ сделал правильный выбор? Тут самое время снова обратиться к трактату «Государь»:

«Тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать её трудно. Как бы перелетев весь путь к цели, они сталкиваются с множеством трудностей впоследствии. Я говорю о тех гражданах, которым власть досталась за деньги или была пожалована в знак милости. ... В этих случаях государи все-

цело зависят от воли и фортуны тех, кому обязаны властью, то есть от двух сил крайне непостоянных и непрехотливых; удержаться же у власти они не могут и не умеют. Не умеют оттого, что человеку без особых дарований и доблести, прожившему всю жизнь в скромном звании, негде научиться повелевать; не могут оттого, что не имеют союзников и надёжной опоры».

В случае с Путиным сошлись и доблесть, и дарования, и милость судьбы, есть у него и опора в лице бывших коллег по КГБ. Но если первые два качества не вызывают ни у кого сомнений, то с милостью судьбы не всё так просто. Подробнее об этом рассказано в главе «Крёстный отец президента» из книги «Загадочная Русь: от Рюрика до Путина». Здесь только стоит пояснить, что в 1999 году Путин устраивал всех, кто мог бы тем или иным способом повлиять на избрание его преемником – и мировую финансово-промышленную элиту, и госдепартамент США, и сторонников либеральных перемен в стране. Все были уверены, что им можно управлять так же, как и Ельциным, что Путин вынужден будет идти по тому же пути либерализации в политике и экономике, ну а опыт работы в КГБ и ФСБ поможет ему утихомирить особо недовольных среди обедневших жителей страны. К счастью, «стратеги» просчитались.

И всё же, рано или поздно Путину придётся уйти со своего поста. Что будет дальше? Я этого не знаю, даже не могу предположить. Многое зависит от того, удастся ли его преемнику

не только убедить народ в честности своих намерений, но и совершить реальные поступки – как можно дальше отодвинуть от власти прежнюю знать, избавиться от нерадивых чиновников, изъять из законодательных актов статьи, ущемляющие конституционные права людей, в частности, работающих пенсионеров. Ну и конечно же отправить в отставку столичного мэра, излишне увлечённого строительством дорожных развязок и реконструкцией поликлиник, в то время как медицинское обслуживание москвичей доведено до неприемлемого состояния – об этом я написал в книге «Не болей: памятка для выживающих».

Глава 15. Пофигизм как способ выживания

В книге «Путь к счастью. Верить, чтобы жить» я проанализировал не только реальные пути, ведущие к счастливой жизни, но и возможности «позитивной психологии», изобретателем которой стал Мартин Селигман. В отличие от традиционной психологии, которая занимается в основном коррекцией психических отклонений, сторонники этого «чуда современной науки» видят свою задачу в том, чтобы помочь людям, убедив в том, что они счастливы. Иначе говоря, что бы ни случилось – радуйся! Человек поскользнулся на арбузной корке – смейся. Подскочили цены в магазине – улыбайся. Ну а если на голову кому-то упал кирпич, тут трудно удержаться от гомерического хохота. Вроде бы некстати вспоминается детская поговорка: смех без причины – признак дурачины. Хотя, возможно, мы недалеко от истины. На чём же основаны выводы Селигмана?

«К своему удивлению, ученые обнаружили, что школьницы, естественно улыбающиеся на фотографии, в среднем легче находили партнера для брака, дольше были замужем и чувствовали себя счастливее в течение последующих 30 лет».

Оказывается, всё очень просто – поработай над своей

улыбкой, добейся, чтобы она была непринуждённой и «естественной», и тогда не будет отбоя от женихов. Может быть, и так, но гарантировать тридцать лет счастливого брака не возьмётся ни один человек, способный отвечать за свои слова.

Читаем дальше:

«Оптимисты считают беды явлением преходящим, исправимым и свойственным лишь определённой ситуации. Пессимисты же уверены, что бедам не будет конца, что в результате у них ничего никогда не получится и исправить этого никак нельзя».

Где он обнаружил людей с таким убогим мировоззрением? Наверняка не в России, а в Америке. Так оно и есть:

«Оптимизм – лишь одна из многих черт характера, помогающих людям жить счастливо. Джордж Вайант, преподаватель Гарвардского университета, всю свою жизнь посвятил изучению таких свойств личности. Он называет их зрелыми способами защиты. В число этих свойств входят альтруизм, способность не требовать мгновенного воздаяния за добрые дела, забота о будущем и юмор».

С оптимизмом всё предельно ясно – это не более, чем самообман, основанный на принципе: как бы ни было плохо, сохраняй улыбку на лице и верь в свою счастливую звезду, не имея для этого ни малейших оснований. На самом деле, человек должен реально оценивать ситуацию и попытаться найти способ предотвратить или преодолеть беду. И вот ко-

гда ему это удастся, наступит тот сладостный момент, который иногда называют счастьем... Увы, чтобы считать себя счастливым, этого явно недостаточно. Всё дело в том, что могут происходить события, от которых никак не увернуться – например, экономический кризис или же война. Ну можно ли этого не замечать? Оказывается, можно, и тут придёт на помощь пофигизм. Понятно, что Селигман не употребляет такого термина, но в его книге он словно бы читается между строк.

К примеру, вот такой пассаж:

«Волей-неволей приходишь к выводу, что долголетие – плод радостного восприятия жизни».

Тут явно случилась опечатка, поскольку правильнее было бы написать «плод равнодушного восприятия жизни». Конечно, возможны исключения, если человеку очень повезло – недаром много долгожителей обитали в горных аулах, куда редко доходили известия о том, что творится в мире. Однако пофигистом можно быть и проживая в городе – для этого достаточно не читать газет, не смотреть информационные программы телевидения и футбол, только мультики или комедийные сериалы. И надо затыкать уши, когда люди говорят о чём-то неприятном.

Но ведь и пофигиста беда может настигнуть, причём в самый неожиданный момент. Так не лучше ли заранее подготовиться к тому, что когда-нибудь случится? Пришлось ознакомиться с тем, что пишут по этому поводу за океаном,

на родине «позитивной психологии».

В сентябре 2016 года психолог Морган Митчелл опубликовала в Newsweek Magazine статью под интригующим названием – «Тирания позитивного мышления угрожает вашему здоровью и счастью».

«Каждый слышал такое: "просто будь на светлой стороне!" или "счастье – это выбор, просто будь счастливым!". Бесконечные книги "помоги себе сам" или "как быть счастливым" заполняют полки книжных магазинов... Идея, будто вы можете быть счастливым, если вы просто захотите этого... призвана улучшить производительность труда, душевное здоровье и способность справляться с жизненными трудностями. Но по мере того, как популярность движения росла, его стали использовать для того, чтобы совестить людей, находящихся в депрессии, беспокойстве, или просто периодически испытывающих отрицательные эмоции. Исследования, приведённые Кариной Койфман и её коллегами, позволили сделать следующий вывод: когда человек выражает негативные эмоции, вызванные отношениями с другими людьми или хроническими заболеваниями, это помогает ему скорректировать своё поведение и реагировать более адекватно».

Тут акцент сделан на словах «скорректировать» и «реагировать». Ну а как иначе? В наше время можно рассчитывать только на себя.

А вот ещё одна неожиданная беда:

«Существуют опасения, что из-за позитивного подхода общество потребует от людей быть позитивными и счастливыми и это парадоксальным образом заставит их страдать, поскольку многие почувствуют себя виновными в том, что не всегда счастливы и успешны».

Такой опасности мы подвергаемся ежедневно, когда включаем телевизор – нас убеждают в том, что гражданин своей страны обязан верить в мудрость и непогрешимость руководства, не допускать сомнений и уныния. И тут навязываемая нам вера вступает в противоречие с тем, что подсказывает разум. А в результате возникает что-то вроде раздвоения личности, когда одна половина продолжает верить, ну а другая сомневается. В такой ситуации психолог точно не поможет – не обойтись без психиатра.

На этот случай у Барбары Эренрайх готов рецепт:

«Да, я против позитивного мышления, но вовсе не оправдываю уныние, пессимизм, негатив или депрессию – они точно так же могут оторвать нас от реальности. Я предлагаю радикальное решение – реализм. Просто попробуйте понять, что происходит в мире и как исправить то, что вам мешает или пагубно влияет на вашу жизнь».

Увы, мы не имеем возможности влиять на телевидение – на эту проблему обратил внимание Пётр Авен, которого я процитировал в одной из предыдущих глав. Поэтому имеем то, что есть, а в нагрузку получаем какой-нибудь невроз. К счастью, он излечим, если не включать больше телевизор –

малая толика пофигизма никому не повредит.

Совсем другое дело, если пофигизм входит в служебные обязанности чиновника. Выслушав приказ начальства, он не возражает, не позволяя себе малейшего сомнения в разумности этого приказа, иначе есть риск остаться без работы. Ну что поделаешь, если своя рубашка ближе к телу? Так принимаются законы, так отвергаются жалобы обиженных, зато чиновник собой всегда доволен.

Вот так и живём, точнее выживаем.

Глава 16. Манифест непокорных

Если бы я и впрямь захотел сочинить подобный документ, пришлось бы, следуя укоренившейся традиции, начать с призывов. Ну, например: «Непокорные всех профессий и возрастов, объединяйтесь!» Но вот беда – такие призывы всем уже осточертели! Пока не поздно, надо действенные меры принимать, а не заниматься словоблудием. Попробую сформулировать хотя бы пожелания, не претендуя на юридическую точность формулировок, – это может стать основой для поиска путей возрождения страны, освобождения от власти лицемерных и корыстолюбивых чиновников, которым на судьбу России по большому счёту наплевать.

Если перефразировать самое начало «Манифеста коммунистической партии» в применении к нынешней ситуации, то получится вот такой пассаж:

Призрак бродит по России – призрак перемен. Все властные органы России объединились для священной травли призрака: правительство и депутаты парламента, чиновники и агитаторы-пропагандисты всех мастей. Где та оппозиционная партия, которая способна остановить тех, кто действует вопреки интересам всей страны? Пора уже непокорным открыто изложить свои взгляды, свои цели и сказкам о призраке перемен противопоставить манифест партии.

Итак, либо нам по-прежнему будут голову дурить и нагло

грабить, либо нужно кое-что срочно изменить. И какие же альтернативы можно предложить? Вот требования, которые выполнимы вне зависимости от политической системы государства.

Говорить людям правду, какой бы неприятной она бы ни была, само собой, не раскрывая при этом государственных секретов.

Не допускать засилия рекламы на телевидении, для чего сократить количество телеканалов и ввести финансирование из госбюджета.

При финансовой поддержке государства основать издательства, которые бы занимались не получением прибыли, а просвещением ума и сердца.

Ввести прогрессивный налог на доходы граждан.

Ну а теперь самый важный пункт манифеста, и здесь необходимо сделать кое-какие пояснения. Дело в том, что президент не имеет физической возможности досконально проанализировать каждый законопроект, одобренный Федеральным собранием – он вынужден полагаться на мнение премьер-министра, спикеров обеих палат, своих помощников. В такой ситуации не обойтись без независимого совещательного органа – это должно быть что-то вроде «Совета мудрецов». В его состав войдут руководители наиболее крупных оппозиционных партий, объединений профсоюзов, предпринимателей и пенсионеров, а также авторитетные представители общественности – что-то наподобие

двенадцати разгневанных мужчин, хотя сердиться совсем не обязательно. Эти люди имели бы возможность во время встречи с президентом высказать аргументированные претензии к положениям одобренного Федеральным собранием законопроекта. Тогда появится надежда, которой всем нам не хватает – это надежда на перемены к лучшему.

Глава 17. Альтернатива для писателя

Что может сделать писатель в трудные для Отчизны времена – сочинять небылицы, прославляя деяния царей и президентов, или писать на злобу дня? Пожалуй, только Грибоедов, Салтыков-Щедрин и Гоголь выбрали оптимальную методику, а продолжателями их дела стали Олеша и Булгаков, ну вот и я по мере сил...